

Институт филологии и журналистики
Саратовского государственного университета
им. Н.Г. Чернышевского
Кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики

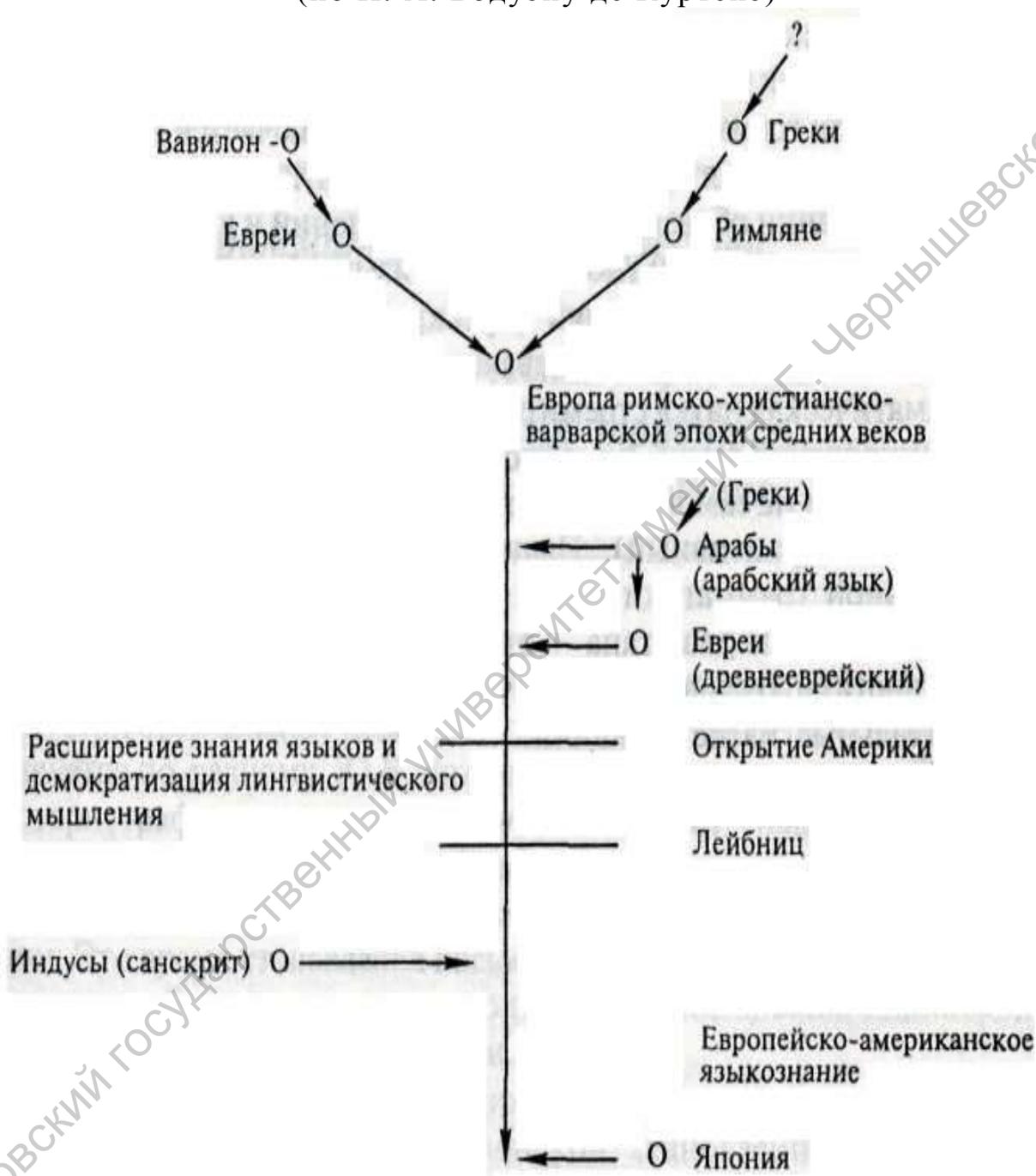
Т.Н. Медведева

Методические указания по курсу
«История лингвистической науки»

Саратов, 2011

Тема: Введение

Культуры, оказавшие влияние на развитие лингвистики
(по И. А. Бодуэну де Куртенэ)

Тема: Понятие грамматического искусства. Теория именования. Становление лингвистических традиций

Грамматическое искусство начинает складываться в период античности. При этом следует помнить, что понятие «античность» интерпретируется по-разному. Ю.В. Рождественский отмечает, что в западной историографии слово античность обозначает «нашу

родную» греко-латинскую цивилизацию. В востоковедении же под этим словом понимается культура, формирующаяся при становлении цивилизации. Это время **становления письменности**, создания письменных памятников. В связи с этим можно говорить о китайской, индийской и средиземноморской античности.

Что касается лингвистических традиций, то в некоторых культурах, например в арабской и японской, становление письменности происходит в более поздний исторический период. Поэтому выделяются еще такие лингвистические традиции, как арабская, связанная с ней еврейская и японская.

В античных теориях языка выделяются две основные области — грамматическое искусство и то, что можно было бы назвать «философией языка», одним из основных вопросов которой была теория именования. При этом если в области теории именования все античные традиции характеризуются общностью взглядов, то с точки зрения грамматического искусства **каждая** традиция специфична, поскольку характер традиции непосредственно связан с особенностями описываемого языка. Рассмотрим сначала основные положения теории именования.

Теория именования складывается в рамках античной философии, рассматривающей природу языка, и представляет собой одну из основных частей философского взгляда на мир. Теория именования решает две основные проблемы. Первая — это вопрос «правильности» имени, обозначающего ту или иную реалию, а вторая — отношение между именем и предметом, вещью.

Общий смысл всех теорий заключается в том, что за именем признается магический, творческий, орудийный характер. Вспомним известное: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» — с помощью **слова** Бог сотворил мир. Таким образом, имя — это не просто условное название предмета, а то, что содержит **правила обращения** с предметом или объясняет поведение именуемого предмета. Знание «правильного» имени — ключ к познанию предмета. Как говорил Конфуций: «Если имя дано неверно, то речь не повинуется, если же речь не повинуется, то дело не может быть образовано. Если же имя дано верно, то и речь повинуется, если речь повинуется, то и дело образуется». Аналогичные взгляды существовали и в Древней Индии, и Древней Греции. Таким образом, слово приравнивалось к делу. Но чтобы правильно действовать, нужно правильно **создавать** и **употреблять** слова, иначе будет нарушен порядок вещей. Итак, основные идеи теории именования одинаковы во всех античных традициях, однако в наиболее полном виде они дошли до нас в сочинениях древних греков, поэтому их взгляды мы рассмотрим подробнее.

В древнегреческой философии сложились два противоположных взгляда на проблему отношения между вещами и их названиями. **Гераклит** (540—480 гг. до н.э.) полагал, что каждое слово (имя) неразрывно связано с той вещью, обозначением которой оно является. Имена отражают характер, природу обозначаемых предметов. Эта концепция, согласно которой имена определяются природой вещей, получила название *physei* («по природе»). В противоположность этому **Демокрит** (ок. 460 г. до н.э. — год смерти неизвестен) считал, что предметы именуются не в соответствии с природой самих предметов, а в результате определенного соглашения между людьми, конвенции. Эта концепция получила наименование *thesei* («по установлению»). В качестве доказательства своей правоты Демокрит приводил целый ряд несоответствий между предметом и его наименованием. Так, с одной стороны, многие слова оказываются многозначными — имеют по нескольку значений, а с другой стороны, многие предметы имеют несколько наименований. Кроме того, с течением времени на смену одним словам могут прийти другие, а некоторые предметы или понятия могут вообще не иметь наименований. «Природному» значению слов противоречит и наличие разных языков, дающих разные наименования одному и тому же предмету. Следует добавить, что концепция «природного» наименования, рассматривая имя как одно из существенных свойств предмета, ограничивается анализом лишь двух

членов отношения — слова и предмета, а человек остается за пределами этого отношения, «Установление» же предполагает **устанавливающего**, т.е. человека, который и дает имя предмету.

Обсуждению обеих теорий посвящен диалог **Платона** (428 или 427 г. — 347 или 348 г, до н.э.) *Кратил*. Два участника спора — Гермоген и Кратил — выражают, соответственно, взгляды Гераклита и Демокрита, а третий участник — Сократ — пытается выявить уязвимые места в доводах противников и найти истину. Истина заключается в следующем. Имя представляет собой такое же орудие, как, например, бурав или ткацкий станок. Как бурав и ткацкий станок создаются людьми, умеющими это делать, специалистами, так и имена должны создаваться специалистами своего дела, которых Платон называет *законодателями*. Чтобы образовывать правильные имена, законодатель обязан, во-первых, понимать природу вещей, которая и должна быть отражена в наименовании. Во-вторых, он должен следовать определенным установлениям, правилам, по которым образуют слова.

Труд любого мастера оценивается тем, кто профессионально пользуется инструментом, изготовленным этим мастером: труд мастера музыкальных инструментов оценивается музыкантом, труд корабельного плотника — кормчим. Труд же законодателя должен оценивать специалист по умению «ставить вопросы и давать ответы». Такого специалиста Сократ называет *диалектиком*. Диалектик проверяет, насколько правильность имен соответствует правильности употребления вещей. Имена определяют правила употребления вещей, а употребление вещей в соответствии с именем проверяет правильность имени. Имя есть способ действия с вещами. Имя отражает сущность вещи, но оно не тождественно вещи, а поскольку оно не тождественно вещи, последняя может иметь несколько разных имен, которые даются по установлению. Таким образом, оказывается, что «природа» и «установление» — это две стороны одного процесса именования.

Платон считает, что все слова могут быть подразделены на «первейшие» и «позднейшие» и что «позднейшие» слова образованы из «первых» слов. Что же касается «первейших», то они были образованы на основе ассоциаций между отдельными звуками и теми или иными свойствами вещей. Первые слова представляют своеобразные подражания, некие подобию именуемых предметов. Между предметом и его наименованием не существует полного тождества, между ними нет каких-либо прямых и непосредственных связей, но связи отдаленные и опосредованные все же существуют. Вторичные («позднейшие») слова образуются от первичных таким образом, что в них очевидна связь с первичными наименованиями. Иными словами, Платон приходит к понятию внутренней формы слова, что, по словам И.А. Перельмуттера, «принадлежит к числу самых замечательных достижений Платона в области наблюдений над явлениями языка».

Характер отражения сущности вещи в имени иллюстрируется следующим образом. Греческая буква «ро» хорошо подходит к порыву, движению, поскольку язык при произнесении «ро» приводится в сильное сотрясение, а буква «лямбда» соответствует чему-то мягкому, гладкому. Отсюда — наличие буквы «ро» в словах *rein* («течь») и *roe* («течение»), а буквы «лямбда» в словах *mel* («мед») и *lana* («шерсть»). Таким образом, здесь, по словам В. Томсена, мы в первый раз встречаем символику звуков, т.е. Платона можно считать основоположником того направления, которое в современном языкознании называется **звукосимволизмом**.

Подобные этимологии Платона (и других античных авторов) подвергались резкой критике представителями сравнительно-исторического языкознания, считавшими их беспомощными и ненаучными. Однако, как отмечает Ю.В. Рождественский, этимологии Платона не имеют никакого отношения к сравнительно-историческому языкознанию. Цель их не исторические исследования, а выяснение того, насколько «правильно» образованы имена. Если современная этимология представляет собой науку о происхождении и истории слов, то этимологические изыскания античных ученых имели совершенно иные задачи. Их цель заключалась в том, чтобы посредством анализа слов прийти к познанию ре-

ального мира.

Взгляды Платона в этом отношении сродни народной этимологии, связанной с повседневной практикой обычных людей, пытающихся как-то оценивать создаваемые слова. Как уже отмечалось, идеи Платона были возрождены и получили развитие в теориях звуко-символизма, или фоносемантики.

Лингвистическая традиция складывается тогда, когда появляется необходимость обучать не только письму и чтению, но и **языку в целом**. Каждая традиция связана с изучением и описанием какого-то одного языка: на ранних этапах развития каждому народу свойственно представление о своем языке как о **единственном**. Кроме того, ни в одной традиции не сложилось представления о развитии языка, его исторических изменениях. Язык понимался как нечто изначально существующее и неизменное, хотя и наблюдались некоторые отклонения от идеала. Этим вызван интерес к этимологии, к поискам «истинного» значения, забытого людьми.

При этом речь, как правило, идет не о родном языке, на котором говорят все члены данного сообщества, не о разговорном языке. Так, греческая традиция оформляется не тогда, когда по-гречески говорили лишь греки, а в эпоху эллинизма, когда греческий язык стал использоваться в ряде государств. Центром греческой традиции стала не сама Греция, а Александрия. Точно так же арабская традиция возникла не в самой Аравии, а в Басре и Куфе, когда арабский язык начал распространяться за пределами Аравии,

Несколько иная ситуация сложилась в Индии и Японии: санскрит и бунго (старояпонский язык) были литературно обработанными и «законсервированными» языками, более раннего периода, резко отличавшимися от живых разговорных языков.

Что касается древнего Китая, то там литературный язык не слишком сильно отличался от разговорного, однако сложный характер китайской письменности требовал специального и длительного обучения,

Итак, создание и развитие лингвистических традиций обусловлено задачей обучения **языку культуры**, который **не являлся родным** либо для всех членов данного сообщества, либо для определенной его части. Во всех традициях, как уже отмечалось, складывается прескриптивный (предписывающий), **нормативный** подход к языку. Материалом для описания могли быть либо устные тексты (греческая традиция), либо грамматики (индийская, арабская, латинская), либо письменные тексты — священные (Библия, Коран) или светские (в Китае и Японии). Охват материала, устных и письменных форм функционирования языка, как и охват уровней языка — фонетики, грамматики, лексики, — мог быть различным, однако можно отметить более высокий уровень развития фонетики почти во всех традициях. Следует также указать на то, что в античных традициях не различались понятия «звук» и «буква».

Тема: Китайская лингвистическая традиция

Своеобразие **китайской лингвистической традиции** заключается в том, что это единственная традиция, возникшая на базе **корневого** (нефлективного) языка с **иероглифической письменностью**. Морфологическая неизменяемость слова обусловила отсутствие «грамматических» исследований в европейском понимании. Корневому строю китайского языка очень удачно соответствует характер китайской письменности — иероглифический. Китайская письменность записывает не звуки, а морфемы, которые можно рассматривать как простые слова. Таким образом, иероглиф соотносится со значением и только через значение — со звучанием. Поскольку в плане звучания каждый корень представляет собой отдельный слог, слово *цзы* соотносится с понятиями морфемы (простого слова) и слога. Достоинством китайской письменности является различение многочисленных омонимов. Ее основной недостаток — огромное количество знаков.

Древнейшие китайские надписи относят к XVI—XV вв. до н.э. Уже тогда иероглиф обозначал целое слово. В VIII в. до н.э. была проведена первая реформа китайской пись-

менности, целью которой стало создание стандартных знаков, не имевших разнописей. В III в. до н.э., с образованием единого государства, создается единая система графики. Осуществляется структурно-смысловое членение письменных знаков, в результате которого многочисленные сложные иероглифы сводятся к сочетаниям сравнительно небольшого числа простых. Окончательное становление современной структуры китайской письменности происходит в I—II вв. н.э.

Как отмечает СЕ. Яхонтов, в древнем и средневековом Китае существовали три отрасли филологии, одна из которых занималась толкованием древних слов, другая — изучением письменности, третья — отысканием в языке фонетических различий, но почти не касалась физической природы звуков или механизма их произнесения. Хотя фонетика (точнее, фонология) возникла значительно позже двух других наук, именно она достигла в Китае наиболее значительных успехов. Что касается такой важной отрасли языкознания, как грамматика, то она начала постепенно выделяться лишь в XVIII—XIX вв. Таким образом, главным объектом изучения в китайском языкознании был иероглиф.

Сложный характер китайской письменности обусловил необходимость объяснения, толкования иероглифов как в плане их содержания, так и в плане их написания. Для этого требовалось свести существующие знаки в общие списки, словари. Древнейшей китайской лингвистической (лексикографической) работой является *Ши Чжоу нянь*. Это был список иероглифов, предназначенный для заучивания наизусть при обучении грамоте.

Первым известным словарем иероглифов был словарь *Эрья* («Приближение к правильному»), относящийся к III—II вв. до н.э. Словарь организован по тематическому принципу. Все входящие в него иероглифы разделены на 19 тематических групп: «имена», «орудия», «музыка», «земля», «небо» и т.д. Таким образом, в *Эрья* отражена философская картина мира того времени. Словарь не утратил своего значения и в наши дни: с его помощью можно читать и толковать классические (канонические) тексты.

В начале н.э. появляется словарь *Фаньянь* («Местные речения»), приписываемый **Ян Сюну**. В отличие от *Эрья* материалом для *Фаньяня* послужили не канонические тексты, а тексты, написанные на местных диалектах и просторечном языке. При этом указывается, из какого диалекта пришло в литературный, язык то или иное слово.

Самой значительной работой является словарь **Сю Шэня** *Шовэнь цзецзы* (сокращенно называемый *Шовэнь* — «Описание простых и объяснение сложных знаков»), законченный в 100 г. н.э. Это первый **полный** китайский словарь, охватывающий **все** известные автору иероглифы. В нем объясняются не только значения иероглифов, но и их структура. Словарь построен не по тематическому принципу, а по «формальному»: иероглифы в нем расположены не в зависимости от содержания, а в зависимости от формы знаков. Его можно в определенной степени сравнить со знакомыми нам алфавитными словарями. Словарь содержит около 10 000 иероглифов, в основу которых входят 540 основных элементов, которые в современной китаистике называют *ключами*. (В современной китайской письменности число ключей составляет 214). Следует также отметить, что Сю Шэнь проводил различие между «полными» (знаменательными) и «пустыми» (служебными) словами,

И, наконец, во II в. н.э. появляется словарь **Лю Си Шимин** («Объяснение имен»). Он повторяет тематический принцип *Эрья*, но каждое имя сопровождается этимологическим толкованием,

В период китайского средневековья, вероятно, не без влияния, индийских фонетистов, получают развитие исследования в области фонетики. Кроме того, развитие поэзии, появление теории стихосложения потребовало изучения рифмы и тона.

Как уже отмечалось, китайское письмо не связано со звучанием и иероглифика требует **отдельного** описания звуковой стороны языка. Китайские фонетисты нашли остроумный способ описания фонетики (фонологии): они изобрели способ записи чтения иероглифов — так называемое *разрезание*. С помощью разрезания чтение иероглифа может быть указано через чтение двух других иероглифов, Корневые слова в китайском языке

почти всегда односложны. Фонетисты делили слог на две основные части — начальную и конечную {инициаль и финаль}. Инициаль слога состоит из одного согласного; остальные звуки — гласные, полугласные, а также конечные согласные — составляют финаль. Например, в слове *шан* звук [s] есть инициаль, а [uan] — финаль. Чтобы обозначить чтение иероглифа, подбирались два других иероглифа таким образом, чтобы первый из них читался с тем же начальным согласным, а второй — с той же финалью (и тоном), что и «разрезаемый» иероглиф.

Хотя мысль о возможности разложения слова на отдельные звуки, вероятно, возникла у китайцев под влиянием знакомства с индийской системой письма, само разрезание иероглифов никак не связано с алфавитной письменностью и имеет чисто китайское происхождение.

Наиболее известные словари, построенные по фонетическому принципу, — это словари рифм. Фонетические таблицы строились таким образом, что по горизонтали располагались иероглифы с одинаковой *рифмой* (одинаковым звучанием), а по вертикали — с одинаковым начальным звуком. Китайские филологи первыми начали фонологические исследования. При этом следует отметить, что китайская фонология основана не на грамматической, а на чисто фонетической основе. Целой фонемой считается рифма. Первым словарем рифм был *Шэн лэй* («Категории звуков») **Ли Дэна** (около 300 г.).

В конце V в. начинается изучение тонов в китайском языке. Была установлена классическая система четырех тонов. Теорию разрабатывали **Чжоу Юн** и **Шэнь Юэ** (V—VI вв.). Слоги, состоящие из одних и тех же звуков, но имеющие разный тон, считались относящимися к разным рифмам. В VII в. **Лу Фа-Янь** создает труд *Цеюнь* («Сечение рифм»), где описывается фонологическая система китайского языка.

Интенсивное развитие китайской лингвистики происходит в XVII—XIX вв. В орбиту исследований попадают историческая фонетика, этимология, учение о частях предложения, выделяемых паузами (синтагмах). основоположниками китайской грамматики считаются **Ван Нян-Сунь** (1744—1832) и его сын **Ван Инь-Чжи** (1766—1834). Учение о слове и предложении появляется в Китае под влиянием европейской лингвистики в конце XIX в. В наше время крупным лингвистом был **Чжан Бинь-Лин** (1868—1936), разрабатывавший вопросы нормативной и исторической фонетики и диалектологии.

По словам СЕ. Яхонтова, китайская лингвистика оказала заметное влияние на языкознание Японии и других соседних с Китаем стран. Однако мировое значение ее невелико.

Тема: Индийская лингвистическая традиция

Индийская лингвистическая традиция. Индийская традиция насчитывает около 2500 лет. В древней Индии мы впервые сталкиваемся с **полным** описанием языка, причем на очень высоком уровне.

Что касается характера описываемого языка — санскрита, то это флективный язык: каждое слово в тексте встречается во множестве вариантов — словоформ. Письменность древних индийцев — звуко-буквенная (алфавитная). Однако графема в ней обозначает не звук, а слог, который состоит или из согласного или из сочетания согласного с общим гласным «а». Все остальные гласные звуки обозначаются диакритическими значками. Таким образом, гласные и согласные звуки в индийском языке образуют две графические парадигмы, расположенные на разных линиях. Этим отмечается семантическая важность согласных звуков и дополнительный характер гласных.

Интерес к языку, необходимость его описания возникает в жреческой среде в связи с магической интерпретацией речи. Цель грамматического описания — сохранение в чистоте языка священных текстов — *Вед*, поскольку живые разговорные языки стали существенно отличаться от классического санскрита. Это обусловило важность прежде всего фонетического описания.

Первоначальный анализ слов — звуковой — имел место уже при сложении и даль-

нейшем использовании ведийских гимнов. Язык ведийских гимнов был в этот период уже мало понятен жреческому сословию и требовал специального изучения.

Наблюдения над языком священных памятников велись с глубокой древности. В первых грамматических сочинениях (*прашишаньях*) описывалось правильное произношение ведических текстов, а также приводились отдельные грамматические наблюдения. Около I тысячелетия появились первые списки имеющих в *Ведах* непонятных слов. Несколько позднее появляется специальная дисциплина *нирукта* («этимология»). Списки важных для толкования гимнов *Ригведы* слов начинают группироваться в ассоциативные ряды, или *связки*. Появляются также сочинения (*веданги*), в которых рассматривались вопросы языка: фонетика, грамматика, лексикология и этимология, теория поэзии.

В V в. до н.э. ученый **Яска** составил комментарии к языку *Вед*. Его сочинение состоит из пяти тематических разделов. Во введении автор дает краткое объяснение основных грамматических понятий. Он приводит грамматическую классификацию слов (четыре класса): имя, глагол, префикс-предлог, союзы и частицы. Яске известно понятие падежа: он приводит семичленную парадигму имени *Индра*. Автор не делает различия между словоизменением и словообразованием.

Однако наиболее полный и точный анализ морфологического строя санскрита и детальное описание его звукового состава представлены в грамматике **Панини** *Восьмикнижие* (IV в. до н.э.), которую Л. Блумфилд назвал «одним из величайших памятников человеческого разума».

Грамматика Панини возникла не на пустом месте. Сам автор ссылается на труды своих предшественников, число которых составляет 68. Грамматика Панини (в отличие от грамматик в других древних традициях) была рассчитана на **устную** передачу, потому что, по представлениям индийцев, истинное знание — устное, передаваемое от учителя к ученику. Лишь спустя несколько веков грамматика была записана. Основывается она на современном для Панини разговорном языке, а также дает правила употребления ведического языка в региональных вариантах. В ее факультативных правилах проводится различие между предпочтительными и маргинальными формами, а некоторые правила также можно рассматривать как обусловленные социолингвистически. Грамматика имеет синхронный характер: все варианты рассматриваются как альтернативные. Само понятие языковых изменений было еще незнакомо индийской традиции.

Специфической чертой грамматики Панини является ее предельная сжатость, которая обусловлена, с одной стороны, общим стремлением к краткости, поскольку работа предназначалась для **заучивания** текста, что было характерно для системы передачи культурных традиций. С другой стороны, сжатость является результатом разработки специальных технических приемов, каких не знал ни один научный труд древности. В. Томсен отмечает: «Было подсчитано, что произведение Панини без сопровождающих комментариев, отпечатанное довольно крупным шрифтом, едва ли занимало бы обыкновенные 150 страниц, а будучи переписанным латинскими буквами — 75-100 страниц, и все же оно является самой полной грамматикой, которая существует для какого-либо языка, будь он мертвым или живым языком».

Восьмикнижие состоит из 8 глав, содержащих 3996 кратких правил, или *сутр*, которые включают несколько ритмично расположенных слогов. Без пояснений *сутры* непонятны, но легко заучиваются и запоминаются. Для краткости используются различные сокращения и мнемонические приемы. Так, правило *iko uapasī* означает: перед звуками *a, i, u, r, l, e, o, ai, au* (которые обозначены символом *as*) вместо звуков *i, u, r, l* (символ *ik*) должны соответственно ставиться звуки *u, v, r, l* (символ *uap*). По этой причине грамматика Панини долгое время оставалась непонятной европейцам. Первым ее «расшифровал» **Отто Николаевич Бетлингк** (1815—1904).

Грамматика Панини является порождающей по своему характеру: она дает возможность, отправляясь от смысла, выбрав соответствующие лексические морфемы (корень глагола и первичную основу имени) и диктуемую характером глагола или коммуни-

кативной задачей конструкцию, проделав все предписываемые операции, получить на «выходе» фонетически правильное предложение. Для этого имеется набор исходных единиц — корней и аффиксов — и фонетические правила построения этих единиц из звуков. Слово состоит из первичных элементов: неизменяемой части (основы) и изменяемой (окончаний и суффиксов). Предложение предстает как сочетание двух основных слов: **имени** и **глагола**, каждое из которых представляет собой цепочку морфем.

Разные языковые явления излагаются в *Восьмикнижии* в том виде, в каком они выступают в тексте, поэтому морфология, фонетика и синтаксис свободно чередуются друг с другом. По словам В. Кипарского, «грамматика Панини стремится обеспечить полный, максимально сжатый и теоретически последовательный анализ грамматической структуры санскрита».

Большое место в *Восьмикнижии* уделяется фонетике. Панини дает тщательное и детальное описание звуков с точки зрения их **артикуляции**. При этом учитываются две характеристики:

- 1) место артикуляции (по артикулирующему органу);
- 2) степень открытости — от полной открытости до полной смычки.

Всего выделяется 14 групп звуков: гласные (классы 1-4); полугласные (классы 5-6); носовые (класс 7); смычные (классы 8-12), подразделяемые на смычные придыхательные (классы 8-9) и смычные непридыхательные (классы 10-12); свистящие (класс 13); особый класс представлен звуком *h* (класс 14).

Каждый класс обозначается особым символом. Так, первый класс, включающий звуки *a, i, u*, обозначается символом [n], *r, l* — символом [k]. Объединение этих двух классов образует множество *aK*, в котором содержатся звуки *a, i, u, r, l*. Таким образом можно объединить любое количество классов. Так, множество *aL* ([l] — символ последнего класса) будет содержать все звуки всех классов.

Фонетика не отграничивается от морфологии, поэтому фонетические явления трактуются совместно с морфологическими. Выделенные группы звуков объединяются в более крупные в зависимости от того, в каких чередованиях они участвуют. Таким образом, отправной точкой описания, низшим уровнем является звук и его фонетические изменения. Даются **все** фонетические трансформации звука в словах, словоформах и сочетаниях и показывается, с чем это связано в грамматике. Для этого выявляется **полный инвентарь сочетаний морфем** — от двух и более, вплоть до грамматически правильного предложения.

В аспекте морфологии выделяется 4 части речи: имя, глагол, предлог и частицы. Глагол — слово, образующее действие, имя — слово, обозначающее субстанцию. Имя имеет 7 падежей, которые обозначены порядковыми номерами. Номера соответствуют: 1) именительному, 2) винительному, 3) орудийному, 4) дательному, 5) отложительному, 6) родительному, 7) местному. Предлоги уточняют значения имен и глаголов. Частицы могут быть значимыми (для выражения сравнения и соединения) и незначимыми.

Основной единицей языка считается предложение, которое способно выразить мысль. А слово этой способностью не обладает и вне предложения не существует. Поэтому в словарях обычно приводятся не формы слов, а **корни**, которые имеют глагольный характер (существительное рассматривается как производное от глагола). В синтаксисе описывается только стандартная структура предложения. Отсутствуют правила перестановки или опущения слов. Пассивные предложения не рассматриваются как производные от активных, а номинализации — как производные от предложений. Они порождаются параллельно, одними и теми же правилами, что позволяет полностью продемонстрировать их структурный параллелизм. Панини не рассматривает эллипсис, в процессе которого слова, понятные из контекста, могут быть опущены. Также в грамматике ничего не говорится о порядке слов (санскрит — «язык свободного порядка»).

По мнению М. Мюллера, грамматика Панини «составляет совершенство чисто эмпирического анализа языка, ни в чем не превзойденное, даже не достигнутое грамматиче-

ской литературой других наций».

Т.Е. Катенина и В.И. Рудой отмечают, что Панини — единственный до середины XX в. лингвист, более или менее последовательно сопоставивший падежные формы, традиционно обозначаемые порядковыми номерами, и функциональные классы (актанты), для которых разработаны содержательные термины: *деятель, дело (цель, объект), орудие (средство), давание, отнимание, местонахождение*.

Кроме основного текста, грамматика Панини включает приложения в виде списков групп слов, объединенных общими грамматическими свойствами. Главные из них — список глаголов, сгруппированных по десяти классам спряжения, и список детальнейшим образом классифицированных имен.

Таковы основные положения грамматики Панини, которая в течение двух тысячелетий была для индусов единственным и непререкаемым авторитетом. Последователи Панини — **Вараручи Катьяяна** (III в. до н.э.) и **Патанджали** (II в. до н.э.) — в основном комментировали его труд. Философ **Бхартихари** (I в. н.э.) рассматривал проблему соотношения предложения и суждения.

В более позднее время крупным лингвистом был **Хемачандра** (XII в.), исследовавший поздние среднеиндийские языки. В XIII в. **Вопадера** составил новую санскритскую грамматику, материал в которой расположен почти в той же последовательности и распределен по тем же категориям, что и в западных грамматиках Нового времени. Последние главы специально посвящены синтаксису.

В целом в индийской традиции задолго до древних греков было проведено различие между гласными и согласными звуками, смычными и фрикативными; определена структура слога; описано ударение; выявлены типы слияния звуков на стыках морфем и слов, типы чередований звуков; сложились понятия фонемы, корня, аффикса, флексии (в том числе — внутренней), нулевой морфемы. По словам В. Томсена, высота, которой достигло языкознание у индусов, совершенно исключительна, и до этой высоты наука о языке в Европе не могла подняться вплоть до XIX в., да и то научившись многому у индийцев.

Индийская традиция оказала влияние на китайское и арабское языкознание. В Европе с ней познакомились лишь в XVIII в.

Тема: Греко-римская лингвистическая традиция

Современное языкознание прежде всего и более всего опирается на **греко-римскую лингвистическую традицию**. По словам Д. Тейлора, европейская лингвистическая наука зародилась в Древней Греции и была переработана и передана современному миру римлянами. К общим достижениям этого коллективного творчества относятся: изобретение современного алфавита, выделение иллокутивных типов предложения, рассмотрение четырех основных преобразований (добавления, опущения, замещения, перестановки), создание грамматической терминологии, четкие определения частей речи, рассуждения о произвольности языкового знака и об отношениях означающего и означаемого, описание акциденций и, наконец, широкое распространение лингвистических знаний (прежде всего с целью обучения), признание ведущей роли грамматики в интеллектуальной деятельности.

Греческий язык (как и латинский) — флективный. Заимствовав слоговое письмо у финикийцев, греки создали письмо **алфавитное** — с делением букв на гласные и согласные. В этом отношении греческий алфавит ничем не отличается от современных систем алфавитного письма. По словам И.Д. Гелба, возникновение греческого алфавита представляет собой «последний важный шаг в истории письма. От древних греков вплоть до настоящего времени ничего нового не произошло во внутреннем развитии письма. Собственно говоря, мы отображаем на письме согласные и гласные звуки точно таким же обра-

зом, как это делали древние греки».

В отличие от индийской традиции, описание греческого языка не могло охватывать все существующие тексты. Кроме того, древнегреческий язык представлял собой конгломерат близких диалектов. Наддиалектной формой коммуникации был общенародный язык — **койне**, возникший на базе аттического диалекта.

Языкознание, как и другие науки античности, не отделялось от «науки наук», философии, в рамках которой высказывался ряд идей о природе и функционировании языка, рассматривались некоторые его аспекты и явления. Наряду с философией интерес к языку был обусловлен и зарождающейся в V в. до н.э. риторикой, наукой об ораторском искусстве, которое играло в общественной жизни античных государств огромную роль.

Анаксимен (560—502 гг. до н. э.) заложил основы стилистики в своей *Риторике*. **Парменид** (род. в 518 г. до н.э.) показал, что существует различие в выражениях *Быть человеком*, *Быть Сократом*, *Быть призраком* и *быть* в значении «существовать». Если в первых случаях быть имеет только грамматическое значение, то в последнем — логическое (реальное). Гераклит, по словам Т. де Мауро, считал, что между структурой предложения и структурой процесса, представляемого предложением, наблюдается строгий параллелизм. **Продик** (V в. до н. э.) занимался вопросами синонимии. **Протагор** (480—410 гг. до н. э.) был первым, кто стал различать три рода: мужской, женский и вещный. Он различал четыре типа высказываний: вопрос, ответ, поручение, просьбу. Он же, вероятно, впервые в истории греческой культуры ставит проблему языковой нормы, вырабатывает правила речи, достойной образованного человека.

Платон создал **акустическую** классификацию звуков речи. Звуки речи (или «буквы») он подразделяет на три группы: гласные, безгласные и беззвучные. По словам самого Платона, эта классификация — не его изобретение, она заимствована им у «знатоков этого дела».

Подход Платона к языку имеет чисто смысловой, функциональный характер, на формальную сторону языковых явлений он внимания не обращает. Таково его разграничение между именем и глаголом — без какой-либо опоры на формальные признаки, хотя в греческом языке формальные различия между классами слов выражены очень отчетливо. Историки отмечают и тот факт, что Платон нигде не упоминает о различиях между именами по роду.

Имена, по Платону, — это слова, которые в предложении являются подлежащими, тем, о чем говорится в предложении. Глаголы показывают, что говорится о подлежащих. Прилагательные, которые могут быть сказуемыми, причислялись к глаголам.

Слово *падеж* первоначально употреблялось Платоном для обозначения любой нефлективной словоформы. Позднее он вводит название *enthea* — для номинатива и *genike* — для генитива.

Он говорит о четырех типах изменений («трансформаций»): вставке, опущении, замещении и перестановке.

В высказывании Платона «Все идеи суть то, что они суть, лишь в отношении одна к другой, и лишь в этом отношении они обладают сущностью... В свою очередь... находящиеся в нас [подобия], одноименные [с идеями], тоже существуют лишь в отношении друг к другу» Л.Г. Зубкова видит «корни современного лингвистического понятия концептуальной значимости, введенного Ф. де Соссюром».

Однако **полного** описания языка еще не было. Начало такого описания мы обнаруживаем у Аристотеля.

Аристотель (384 — 322 гг. до н. э.) в своих трудах *Категории*, *Об истолковании*, *Об именовании* заложил основы грамматического искусства в греко-латинском мире. Прежде всего следует отметить, что Аристотель обозначил основные языковые единицы: «Во всяком словесном изложении есть следующие части: элемент, слог, союз, имя, глагол, член, падеж, предложение». Под элементом понимался не любой звук, а **членораздель-**

ный звук человеческой речи, который можно сопоставить с фонемой в современном понимании.

Как и Платон, Аристотель делит все звуки речи на три разряда по акустическим признакам, однако присоединяет к ним также и артикуляционные. Это считается значительным достижением Аристотеля, прогрессом по сравнению с Платоном. При этом следует отметить, что *звуком речи* Аристотель называет и отдельный звук речи, и слог, и слово, и даже предложение.

Аристотель не рассматривает вопроса о «правильности» слова. Для него «слова, выраженные звуками, суть символы представлений в душе, а письма — символы слов». Иными словами, слово представляет собой **знак**. В этом плане следует заметить, что если Платон (и теория именованья в целом) объяснял процесс **становления** речевой деятельности, то Аристотель имел в виду процесс функционирования уже **сложившейся** речевой деятельности. По его мнению, слово само по себе не может быть ни истинным, ни ложным — это просто символ представления. Истина и ложь «состоят в соединении и разъединении», т.е. истинность или ложность — это характеристика **предложения**. Предложение — это единица речи с самостоятельным значением: предложение есть «составной звук, имеющий самостоятельное значение». Оно состоит из слов — меньших единиц речи тоже с самостоятельным значением.

Что касается частей (членов) предложения, то Аристотель, как и Платон, считая предложение выражением суждения, выделяет в нем две основные части — имя и глагол, которые соответствуют субъекту и предикату суждения. Однако в системе Аристотеля мы замечаем уже элементы грамматического подхода. Так, помимо имени и глагола он выделяет и вспомогательные (служебные) слова, которые называет *союзами*, а также *член* — общее наименование для артикля и анафорических местоимений. Кроме того, в определениях имени и глагола присутствуют и семантические признаки: имя — это «слово с самостоятельным значением без оттенка времени»; глагол — «слово, имеющее самостоятельное значение с оттенком времени». Именем (логическим субъектом) Аристотель считает только имена в исходном (именительном) падеже, а все остальные формы имени — это отклонения (отпадения, падежи). У имен различает число и род. Основной формой глагола он считает форму 1-го лица единственного числа настоящего времени, а все остальные формы — глагольными отклонениями («падежами»).

Важно отметить, что Аристотель проводит первое разделение частей речи на значащие — имя и глагол и незначащие — союз и член, «не имеющие самостоятельного значения звуки», т.е. на полнозначные и служебные в современном понимании.

Наиболее замечательным достижением Аристотеля в области изучения явлений языка И.А. Перельмуттер считает его наблюдения над языковой многозначностью, встречающиеся во многих сочинениях. Так, Аристотель различает разные функции родительного падежа, выделяя присущую родительному падежу функцию обозначения владельца предмета функцию обозначения целого, от которого берется часть. Различает он и употребление глагола *быть* в функции связки и в функции полнозначного глагола, обозначающего существование. В многозначности элементов речи видит Аристотель главный источник расхождения между мыслью и ее словесным выражением.

По мнению Аристотеля, имя, выступающее в функции подлежащего, представляет собой наиболее важную часть предложения; глагол в предложении может отсутствовать, но имя должно быть представлено непременно. «Глагол служит всегда обозначением чего-либо сказанного об ином». Имя представляется более полнозначным, более самостоятельным.

Т. де Мауро полагает, что Аристотель представил первое систематическое изложение концепции языка как перечня элементов, точно отражающих составные элементы одной-единственной универсальной реальности. При этом, с одной стороны, именно благодаря Аристотелю в среде перипатетиков и стоиков возникли и оформились в систему, просуществовавшую долгие века, основные понятия фонологии, морфологии и синтакси-

са, а с другой — в более дальней перспективе концепция Аристотеля, «начиная с эпохи древних греков и римлян и до наших дней, душила всякий интерес к специальным лингвистическим исследованиям».

По мнению Ю.В. Рождественского, описание языка, данное Аристотелем, есть начальный этап построения лингвистической системы. Этого описания достаточно для **логики**. Собственно лингвистическое описание языка в греко-латинском мире начинается **после** работ Аристотеля.

Большой вклад в развитие грамматического искусства внесли **стоики** (члены философской школы в Афинах III—II вв. до н.э.) — **Зенон** (336—264 гг. до н.э.), **Хрисипп** (280—206 гг. до н.э.) и **Кратес Малосский** (ок. 170 г. до н.э.). Стоики считали, что высказывание имеет **два предмета**: предмет реальной действительности, или *тело* (что соответствует современному понятию денотата, или экстенционала), и мыслительную сущность, **лектон** (смысл, сигнификат, или интенционал). При этом высказывание есть не просто сочетание абстрактных понятий, а слияние **понятий, чувственных представлений и эмоций**. Важно отметить, что «обозначаемое», «высказываемое» имеет специфически языковой характер, различающийся от языка к языку, в то время как представления в душе одинаковы для всех людей вне зависимости от языка, на котором они говорят, а звуки речи, взятые в отрыве от смысловой стороны высказывания, доступны для восприятия любого человека, в том числе и такого, который не владеет соответствующим языком. В этом можно усмотреть истоки идеи о субстанции и форме языка.

Слова, по мнению стоиков, **изначально истинны**, т.е. соответствуют сущности обозначаемых **вещей**. Отсюда — нужно найти истинную сущность слова, или *этимон*. Стоиками введен и термин *этимология*.

Стоики впервые назвали логику *логикой* (у Аристотеля она называлась аналитикой).

В области фонетики они различали 24 буквы (звука), у которых выделяли три элемента: звучание, изображение и называние.

В области грамматики можно отметить следующее. Стоики ввели термин *синтаксис*. Логический термин *части речи* они перенесли в область грамматики, выделив следующие пять групп: имя собственное, имя нарицательное, глагол, союз и связка, член (артикл и местоимение). Позднее к ним было добавлено наречие. Однако, как и их предшественники, они обращали внимание главным образом на функционально-семантические аспекты.

Заимствовав у Аристотеля термин *падеж*, стоики придали ему иное значение. Если у Аристотеля *падеж* применялся к любым «косвенным» формам любых слов, то у стоиков он применяется только по отношению к склоняемым частям речи. В число падежей включается и исходная назывная форма имени — форма именительного падежа. Стоики дали падежам следующие наименования: «именительный», «падеж породы», «падеж давания», «подвергающийся действию» и «звательный».

Как и Аристотель, стоики различали значащие («категорематические») и незначащие («синкатегорематические») слова и считали, что последние не могут выступать в высказывании в качестве субъекта или предиката. Однако в отличие от своего предшественника они полагали, что назначение этих слов в том, чтобы выражать некоторые логические функции. Очевидно, что с современной точки зрения можно говорить о выделении слов с **грамматическими значениями**.

Стоики выделяли четыре «определенных» времени глагола (пре-зент, имперфект, перфект и плюсквамперфект), которым противопоставляли два «неопределенных» времени: неопределенное прошедшее и неопределенное будущее.

Стоикам принадлежит различение понятий «полного предложения» (*Сократ пишет*) и «неполного предложения» (*Пишет*).

Они создали развернутую концепцию высказывания, в которой рассматривалась

е»о формальная и семантическая структура. Была разработана классификация предложений-суждений, которая основывалась на разграничении между различными типами предикатов. Была также разработана классификация типов предложений, различающихся по цели высказывания (повествовательные, вопросительные, побудительные, предложения, выражающие желание, содержащие заклинание, клятву или обращение).

Впервые были выделены сложные предложения.

В целом, как считает В. Томсен, «стойки имеют ту заслугу, что они продвинули познание грамматических категорий, и мы обязаны в первую очередь стойкам значительной частью грамматических наименований, которые мы так хорошо знаем в их латинской (или славянской) переводной с греческого форме и которые мы употребляем изо дня в день».

Логико-грамматический подход стойков к языку завершает период, когда язык был предметом изучения философов. Заслуга выделения грамматики в самостоятельную отрасль науки принадлежит ученым Александрии.

Оформление греческой традиции было осуществлено в **Александрийской школе**. В III в. до н.э. Александрия становится культурным и научным центром античного мира. Большую известность приобрела Александрийская библиотека, в которой было собрано около 800 тысяч рукописей. Работники библиотеки составляли комментарии и толкования к произведениям Гомера, Эсхила, Софокла и других древних авторов. В связи с этим началось и систематическое описание грамматической системы греческого языка. Грамматика из раздела логики и философии превратилась в самостоятельную область исследования.

Как уже отмечалось, классический древнегреческий язык представлял собой совокупность близких диалектов, и тексты в этом плане оказались неоднородными. Поэтому одним из основных вопросов теории стало описание языка, адекватно отражающее имеющееся разнообразие. Появились два пути решения этого вопроса: 1) описывать формы, которые отражают **«обычай»** их употребления в разных диалектах; 2) описывать формы, которые отражают закономерности построения **правильной** речи. Сторонники первого пути получили название **аномалистов** (Кратес и др.), сторонники второго — **аналогистов** (Аристарх и др.).

В. Томсен пишет: «Чтобы понять этот спор и иметь возможность судить о нем, мы должны перенестись в то время с его условиями; мы должны совершенно отвлечься от развитой грамматической системы, которую мы теперь имеем, и живо представить себе то единственное, что тогда имелось, — хаотическую массу слов и форм литературного и разговорного языков с их разными диалектами. Учесть все эти детали и найти порядок и принцип во всем этом хаосе, где аномалии должны были, по крайней мере, так же бросаться в глаза, как и аналогии, было работой, которая могла подавить острейшего мыслителя и привести его к тому, чтобы односторонне сделать упор на ту или иную точку зрения. Конечно, спор закончился постепенным сглаживанием обеих крайностей... Плодом этого и явилась систематическая грамматика с ее правилами и исключениями».

В результате спора было решено, что грамматика есть порождение аналогии выражения, однако наряду с различными грамматическими правилами имеются и исключения. Или, как формулирует это в современной терминологии Ю.В. Рождественский, к описанию предъявлялись следующие требования: «а) как можно меньше инвариантов каждого уровня; б) как можно больше вариантов этих инвариантов, выведенных по определенным правилам; в) правила образования вариантов должны быть минимальными и простыми».

Главой Александрийской библиотеки долгое время был **Аристарх Самофракийский** (215—143 гг. до н. э.), который установил восемь частей речи. Его ученик **Дионисий Фракийский** (170—90 гг. до н. э.), используя труды своих предшественников, написал **первую системную грамматику** греческого языка для римлян.

В грамматике Дионисия в изложении фонетики насчитывается двадцать четыре звукобуквы, дается описание звуков речи и классификация слов и их форм. Звуки описы-

ваются как по отдельности, так и в связи с теми изменениями, которые происходят с ними в сочетаниях. Рассматриваются также изменения звучаний слов («претерпевания») при словообразовании и словоизменении. Таким образом, классификация звуков осуществляется с учетом мест, которые они занимают в слогах и словах.

Частей речи, как уже отмечалось, восемь: имя, глагол, причастие, местоимение, наречие, союз, предлог и артикль. Артикль у александрийцев отделяется от местоимения; предлог отделяется от союза. При этом выделение частей речи происходит на **чисто лингвистических** основаниях. Так, имя определяется как «склоняемая часть речи, обозначающая тело или вещь и выступающая как общее (например, *человек*) или как частное (например, *Сократ*); глагол — «беспådeжная часть речи, принимающая времена, лица и числа и представляющая действие или страдание». Причастие — «слово, имеющее свойства как прилагательного, так и глагола, кроме наклонений и лиц». Слово и предложение определяются с чисто синтаксической точки зрения: «Слово — это наименьшая часть связного предложения»; «Предложение — соединение слов, выражающих законченную мысль».

Части речи имеют **акциденции** (что в современной грамматике соответствует частным грамматическим категориям). Имя имеет пять акциденций: роды, виды, образы, числа, падежи («виды» и «образы» связаны со словообразованием). Для обозначения среднего рода вместо термина *вещный* Дионисий стал использовать слово *никакой*.

Глагол имеет следующие акциденции: пять **наклонений** (неопределенное, изъявительное, повелительное, желательное и подчинительное), три **залога** (действия, страдания и средний), три **лица** и три **времени**. Очевидно, что современная грамматическая терминология восходит к александрийской системе.

Третий представитель Александрийской школы **Аполлоний Дискол** (II в. до н.э.) описал синтаксис греческого языка. Следует отметить, что греческую грамматику часто упрекают в недостаточной разработке синтаксиса. Однако, по мнению Д.М. Шенкефельдта, это объясняется очень просто: при изучении родного языка синтаксис усваивается не путем заучивания, а в процессе ознакомления с классическими примерами. Дискол же описывал греческий язык древнейшей эпохи, поэтому вполне естественно обращение к его синтаксическому строю.

В центре внимания Аполлония — синтаксические свойства, синтаксические функции частей речи. Одним из основных вопросов синтаксиса Аполлония является учение о сочетаемости слов. Он указывает на свойство слов присоединяться к словам других классов, в результате чего создаются самостоятельные предложения. Очевидно, здесь можно обнаружить истоки понятия валентности.

Аполлоний вводит понятие синтаксической связи, которое включает *akoluthia* («последовательность») и *katalleilotes* («взаимность»), в целом соответствующие как управлению, так и согласованию. Несоответствия им рассматриваются как ошибки. Это, вероятно, первое обсуждение проблемы правильности в синтаксисе, обнаруженное в античных грамматиках.

Он не использует терминов *подлежащее*, *сказуемое*, *дополнение*, *определение*, употребляя вместо них известные ему названия частей речи и косвенных падежей. Так, вместо термина *подлежащее* используется *именительный падеж*; вместо *дополнение* — наименования косвенных падежей и т.д. Иначе говоря, пользуясь названиями частей речи и названиями некоторых акциденций, он фактически придает им синтаксический смысл.

Аполлоний перечисляет шесть различных «трансформаций», которые могут производиться с буквами, слогами, словами и предложениями (в разговорной речи, риторике, поэзии): 1) повтор/редупликация; 2) вставка/добавление (плеоназм); 3) пропуск/опущение (эллипсис); 4) расчленение/разложение компонентов; 5) стяжение/усложнение; 6) транспозиция/инверсия (метатеза, гипертеза).

М. Мюллер считает, что александрийские ученые первыми привели действительные формы языка в известный порядок.

Римская грамматика представляет собой разновидность и продолжение греческой грамматики, чему содействовало знакомство римлян с греческой наукой и культурой. Правда, из лингвистического наследия последнего века Республики до нас дошло очень мало работ. Значительное число рукописей погибло. Следует отметить, что римская лингвистическая традиция, единственная из всех античных традиций, была **двуязычной**, как и вся культура Римской империи в целом, и усвоение ее требовало знания двух языков.

Греческая грамматика попала в Рим во II в. до н.э., когда в 167 г. в составе греческого посольства в Рим прибыл Кратес Малосский. В тот период все грамматические термины были старательно и буквально переведены на латинский язык, правда, не без некоторых недоразумений. Так, греческий «падеж породы» — *genike* — был переведен как *genitivus*, т.е. «падеж рождения», «родительный», а падеж, «подвергающийся действию» — *aitaitos*, как *accusativus*, т.е. «винительный падеж».

Римские грамматисты сохранили традиционное число частей речи. При этом греческая система частей речи была приспособлена к латинскому языку: артикль, которого в латинском языке не было, был заменен на междометие. Римляне обнаружили в своем языке новый падеж, которого не было в греческом, и назвали его *ablativus*. Считается, что это сделал **Цезарь** (100—44 гг. до н.э.), который являлся автором одной из латинских грамматик.

Наиболее известными грамматистами являются **Элий Стило** (150—70 гг. до н.э.), которому принадлежит трактат *О простых повествовательных предложениях*, и его ученик **Марк Теренций Варрон** (116—27 гг. до н.э.). Подробные сведения о грамматике представлены в труде известного теоретика ораторского искусства **Марка Фабия Квинтилиана** (35—100 гг. н.э.).

Трактат Варрона *О латинском языке* состоял из трех частей: этимологии, морфологии и синтаксиса, поскольку он полагал, что «речь по природе троючастна, и первая часть ее — как слова были установлены для вещей; вторая — каким образом они, отклонившись от этих последних, приобрели различия; третья — как они, разумно соединяясь между собой, выражают мысль».

Варрону принадлежит первая **формальная** классификация частей речи, «самая остроумная», по словам О. Есперсена. Варрон различал четыре части речи: «часть речи, имеющую падежи (имена), часть речи, имеющую времена (глаголы), часть речи, имеющую и падежи и времена (причастия), и часть речи, не имеющую ни того, ни другого (частицы)». Он также обосновал наличие в латинском языке отложительного падежа.

В середине I в. н.э. появилась первая большая грамматика латинского языка **Квинта Реммия Палемона** (ок. 10—75 гг. н.э.) — *Грамматическое руководство* (*Ars grammatica*). Она, как и большинство других грамматических трактатов, не сохранилась, но была использована в последующей грамматической традиции. Палемон выделил в качестве самостоятельной части речи междометия, которые греческие грамматисты считали наречиями.

В середине IV в. н.э. появились две грамматики **Элия Доната** — обширная (*Ars major*) и сокращенная (*Ars minor*). Первая представляет собой итог развития грамматики от Аристотеля до Квинтилиана. Она включает фонетику, части речи и, наконец, синтаксис, который рассматривается в основном на примерах ошибок. Вторая работа представляет собой серию вопросов, касающихся исключительно частей речи. Это еще раз свидетельствует о ведущей роли морфологии в греко-римской традиции.

Лебединой песней, по мнению Д. Тейлора, является грамматика **Присциана** (VI в. н.э.) в 18 томах, переписанная позднее почти в 1000 рукописей. Основная часть грамматики — морфология, синтаксису посвящены 17-й и 18-й тома. Присциан тщательно проработал греческую и латинскую грамматическую литературу. Все положения иллюстрируются массой примеров из произведений античной литературы. В своем синтаксисе он постоянно обращается к Аполлонию.

В целом историки отмечают, что грамматики Доната и Присциана были основным пособием по изучению латинского языка и образцом для многих грамматических работ средневековья. Таким образом, греческая грамматика с римскими дополнениями и с латинской терминологией, которая явилась основой метаязыка лингвистики, дошла до нашего времени в виде известной нам школьной (традиционной) грамматики.

Для рассмотрения «философских» вопросов языка в поздней античности следует обратить внимание на важное событие общественной жизни этого периода. Речь идет о возникновении и распространении христианства. В связи с необходимостью защитить новую религию от нападков со стороны нехристианских мыслителей и доказать, что истинную мудрость надо искать в христианстве, а не в трудах языческих философов, появляются труды **апологетов** (защитников) христианства, а позднее возникает **патристика** — сочинения так называемых «отцов церкви», заложивших основы философии христианства. Среди римских апологетов видное место принадлежит **Тертуллиану** (160—220). Он доказывал, что имеется непримиримое различие между религией, божественным откровением и человеческой мудростью. Известен его знаменитый тезис: *Credo, quia absurdum* — «Верую, потому что нелепо». В философии он признавал только те положения, которые отвечали христианской вере.

Ф. Коплстон отмечает, что положительная оценка греческой мысли, особенно платонизма, как приближения к истине характерна для христианских мыслителей из Александрии, где впервые возникла христианская катехизическая школа, центр образования, высоко ценившийся христианами и язычниками. Ведущие мыслители этой школы рассматривали греческую философию как положительное приготовление к христианству и как орудие, позволяющее постичь и выразить эту мудрость. Самым замечательным представителем христианской школы Александрии был **Ориген** (ок. 185—ок. 254), который сочетал христианскую веру, эллинистическую образованность и неоплатоническую философию, чем способствовал развитию всех теологических направлений последующих эпох. Ему принадлежит первое критическое издание Ветхого Завета. Благодаря переводам важнейших сочинений Оригена, сделанных Иеронимом и Руфином, идеи Оригена и теологические методы получили распространение на Западе.

Наиболее известными «отцами церкви» были **Василий Кессарийский** (ок. 330—379), который указывал на важность изучения языческой нехристианской литературы; **Григорий Нисский** (335—394), стремившийся сочетать теологию с неоплатонизмом, благодаря чему сохранил влияние на позднейших потомков; **Иероним Стридонский** (374—ок. 420), ученик Доната, знал латынь, греческий и древнееврейский, перевел Библию на латинский с оригинала, также перевел многие труды с греческого, в том числе Оригена; **Руфин** (345—410) переводил труды Оригена.

Василий Кессарийский и Григорий Нисский были наиболее известными и авторитетными «отцами церкви» в эпоху средневековья. Их труды были широко известны в Западной Европе, Византии, Армении, Грузии, и единомыслие с ними, по словам Эдельштейна, служило мерилором ортодоксальности и на Востоке, и на Западе.

Итак, если в Древней Греции языковедение было частью философии и развивалось философами, то теперь оно стало частью теологии и развивалось теологами. Различие заключается в том, что истинность системы философа подтверждалась (в идеале) логической правильностью и непротиворечивостью исходных постулатов, **свободно им избранных**, и хода рассуждения. В патристике же любая спекулятивная система считалась достоверной лишь в том случае, если она соответствовала априорно заданной, **независимо от данного мыслителя возникшей** и сложившейся системе мирозерцания. Все, что ей не соответствовало, отвергалось как «языческие бредни». Какие же вопросы «философии языка» рассматривались «отцами церкви»?

Уже ранние апологеты неоднократно высказывали идею о том, что у каждого на-

рода есть свой язык, но сущность языка всеобща. Складывалось понимание того, что многочисленные языки при всем их внешнем разнообразии в сущности своей представляют собой, как сказали бы мы сейчас, варианты реализации одного инварианта — единого Языка Человеческого. Так, Тертуллиан писал: «Ты глуп, если станешь приписывать это одному только латинскому или греческому языкам, которые считаются родственными между собою, отрицая всеобщность натуры. Душа снизошла с неба не для латинян только и греков. Все народы — один человек, различно имя; одна душа, различны слова; один дух, различны звуки; у каждого народа есть свой язык, но сущность языка всеобща». Таким образом, если во все предыдущие века в Древней Индии, Греции, Риме люди как бы не замечали языки своих соседей, считая их не языками, а «бессмысленным бормотанием», жили в гордом сознании своей языковой исключительности, то для христианских философов все языки имели свою ценность.

Наиболее распространенным положением всех теорий был тезис, что язык является отличительным признаком человека. Не может быть, утверждали теологи, ни языка без человека, ни человека без языка. Теологи признавали речь важнейшим видом деятельности, в которой проявляется разумность человека. Ни одно животное, по учению христианских богословов, не способно к творческой деятельности, поэтому у него не может быть языка. По словам Григория Нисского, творческая способность человеку дарована, но мы сами делаем дом, скамью, меч, плуг и вообще все нужное для жизни. «Так и речевая способность (λόγῳ δύναις) есть дело Создавшего наше естество таковым, а изобретение слов каждого в отдельности придумано нами самими, чтобы пользоваться ими для обозначения предметов. Это подтверждается тем, что повсюду признаются постыдными и неприличными многие слова, изобретателем которых ни один здравомыслящий не признает Бога».

В сочинении *Об устройении человека* Григорий Нисский писал, что строение человеческого рта приспособлено к потребности произношения членораздельных звуков главным образом благодаря человеческой руке. В той же работе он обращает внимание не только на роль руки, но и прямой походки человека, позволившей освободить передние конечности от функции опоры телу.

Особенность человеческого языка, отличие его от способа общения Бога и ангелов, заключается в звуковом характере человеческого общения. Так, по словам Григория Нисского, человеку несколько не нужно было бы употреблять слова и имена, если бы люди могли открывать друг другу чистые движения разума, подобно тому как общаются ангелы. Но так как возникающие в нас мысли не могут обнаружиться вне телесной оболочки, мы, по необходимости наложив на вещи как бы знаки, известные имена, посредством этих знаков объясняем движения ума. При этом звуки человеческого языка — это осмысленные звуки, связанные со значением: «Кто даже из младенцев не знает, что звук и слово имеют взаимное соотношение и что как слух не обнаруживает деятельности, если не раздаются звуки, так не действительно и слово, не направленное к чьему-либо слуху». На эту связь звука и смысла обращал внимание и **Ириней Лионский** (II в.): «Что слово происходит от мысли и ума — это все люди знают». Но осмысленность звука — специфика **человеческого** языка. Иероним Стридонский отмечает: «Мы, люди, — животные разумные и можем понимать его мудрость, и не так несмысленные сердцем, чтобы подобно бессловесным скотам слышать только звук слова, а не мысли».

Язык предназначен для **общения**, следовательно, в процессе общения должны участвовать и говорящий, и слушающий. Кроме того, необходим и, как теперь принято говорить, канал связи. Все эти компоненты речевого акта предполагают наличие друг друга. Василий Кессарийский отмечает: «Голос для слуха и слух по причине голоса. А где нет ни воздуха, ни языка, ни уха, ни извитого прохода, который бы переносил звуки к сочувствию в голове, там не нужны речения».

Христианские мыслители считали, что процесс мышления может протекать вне языковой формы. Василий Кессарийский так представлял себе процесс порождения речи: сначала в мысли появляется образ предмета, а затем мы подбираем соответствующие зна-

чения и передаем результат «словесным органам», в результате работы которых («сотрясения воздуха») наша тайная мысль становится явной.

Еще одна интересная идея — о соотношении предметов (вещей) и слов. Если для античного мировоззрения слово, имя является неотъемлемой частью именуемого, то для христианских мыслителей оно есть знак или символ какой-то сущности, а не ее часть, элемент вторичной системы, от которой существование самого именуемого предмета не зависит. Как отмечал Григорий Нисский, «никакое имя само по себе не имеет существенной самостоятельности», но «всякое имя есть некоторый признак и знак какой-либо сущности и мысли, сам по себе не существующий и не мыслимый». Василий Кессарийский писал: «Ложь говорит тот, кто умствует, будто из различия имен должно заключать и о различии сущности. Ибо не за именем следует природа вещей, а наоборот, имена изобретены уже после вещей. Иначе, если бы первое было истинно, то надлежало бы согласиться, что которых вещей имена одинаковы, тех и сущность одна и та же». Другой мыслитель, Иоанн Воротнеци, отмечал: «Различие в вещах определяется не тем или иным высказыванием о них, а наоборот, вещи сами определяют то или иное высказывание о себе. Природа вещей остается неизменной, все равно, имеется о них высказывание или нет. Никогда высказывание не изменяет природу вещей».

Таким образом, очевидно, что христианские философы занимались исследованиями проблем, многие из которых получили или получают решение в современной лингвистике.

Из всех западных «отцов церкви» наибольшее влияние на развитие философии вплоть до XIII в. оказал **Августин** (354—430), самый выдающийся христианский мыслитель античности. По словам Ф. Коплстона, «латинские отцы церкви вообще не слишком увлекались философской спекуляцией. А вот св. Августин был выдающимся мыслителем. Он обладал слишком острым умом, чтобы не видеть, что признание истины вслед за авторитетом, дабы быть разумным действием, должно иметь какое-то основание в разуме. В своем высказывании *si fallor, sum* (если я обманываюсь, то я есмь) Августин предвосхищает Декарта». Он не проводил между философией и теологией четкого различия, которое было осуществлено в позднее средневековье. Он утверждал, что вера предшествует, но что за ней везде, где возможно, должно следовать уразумение.

В плане языковом Августин считал не все слова одинаково значимыми. Так, он отмечал, что мы не можем указать предметы, которые обозначались бы предложениями. Он проводил различие между звучащим (произнесенным) словом и его значением, которое постигается умом; между употреблением слова как знака самого себя, метазнака (например, когда мы думаем о слове *человек*), и употреблением его в качестве обозначающего или подразумевающего предмет или предметы. Кроме того, он говорит о силе слов, т.е. о воздействии, которое слова могут оказывать на слушающих.

Очевидно, в определении знака мы не так уж далеко ушли от Блаженного Августина: «Знак есть нечто, само являющееся органам чувств и в то же время представляющее разуму еще что-то кроме себя». По мнению Августина, означаемое языкового знака представляет собой не предмет, не некую материальную сущность, но хранимый нашей памятью образ именуемой реальности. «Когда мы говорим, мы только обозначаем то, что говорим; из уст говорящего исходит не сама обозначаемая вещь, а знак, которым вещь обозначается, если только не знак других знаков». Точно так же, когда мы слышим какое-то произнесенное слово, в наши уши входит не предмет, а звук, который возбуждает в нашей памяти образ названной реальности, и в нашей мысли возникает то, знаком чего служит воспринятый звук.

Познание вещи или явления ни в коем случае не адекватно познанию соответствующего знака — любой знак по самой своей природе представляет меньшую ценность, чем то, что он обозначает. «Я желаю, чтобы ты понял, что обозначаемые предметы должны быть ценимы более, нежели их знаки. Ибо все, что только существует ради другого, необходимо ниже, чем то, для чего оно существует... Ты ведь согласишься, что познание

вещей дороже, чем их знаки. Поэтому познание вещей, обозначаемых знаками, надлежит предпочесть познанию знаков».

Таковы, в общем, основные вопросы «философии языка», разрабатываемые христианскими мыслителями поздней античности.

Тема: Грамматика Пор-Рояля

Истоки идеи философского языка восходят еще к Роджеру Бэкону, который высказывался о несовершенстве естественного языка рождающего помехи в деле познания истины. Несколько позднее испанский логик Раймонд Луллий предложил идею создания «чистого» универсального философского языка, основанного на базе латинского. Для механизации, моделирования логических операций он создал «логическую машину», которая представляла собой ряд концентрических кругов с обозначениями разного рода общих понятий, их свойств отношений и логических операций. Вращая эти круги, можно было получать различные комбинации понятий, эквивалентные разного рода суждениям. Число таких комбинаций а priori равняется $511^6 = 17\,804\,320\,388\,674\,561$ (сюда включаются и невозможные сочетания терминов). Благодаря использованию концентрических кругов это число сокращается до $9^6 = 531\,441$ возможных комбинации исходных терминов.

При этом следует отметить, что Луллий впервые ввел символизацию, обозначая понятия буквами латинского алфавита. (В ироническом плане подобная «машина» была описана Дж. Свифтом в одном из путешествий Гулливера.) Идею о том, что путем логических операций с определенным заранее числом понятий можно получать новое знание, высказывал еще и Рамус.

Близки к идее философского языка рассуждения **Николая Кузанского** (1401-1464) который считал, что подлинное Имя всегда является Именем Сущности, однако в реальных, конкретных языках вместо него используются многочисленные случайные наименования. Задачей философа является проникновение к подлинному Имени Сущности через случайные наименования.

Кроме того, Николай Кузанский считает, что существует некий исходный, или первичный, язык, состоящий из первичных знаков, которые не требуют никаких толкований, но используются для объяснения всех других понятий.

Ему же принадлежит идея о том, что значения слов в языке мыслятся лишь в противопоставлении одно другому. По словам Ю.С. Степанова, это начало оппозитивной, или контрастной, теории значения, основной принцип которой («в языке нет ничего, кроме различий») был гипертрофирован Ф. де Соссюром и которая признавалась единственно возможной во всех направлениях структурализма.

В XVII в. идея философского языка возрождается в трудах целого ряда философов. Так, **Френсис Бэкон** (1561-1626), развивая идею своего предшественника, пытался выявить характер человеческих заблуждений («идолов»), влияющих на правильность человеческого мышления. Среди них он отмечает «идолов рынка», связанных с неправильным употреблением слов естественного языка. Слова суть произвольные знаки понятий. Но слова могут выражать как истинные, так и ложные понятия. В этом недостаток слов естественного языка. Для «правильного» мышления должен быть создан «правильный» искусственный язык, очищенный от всяческих помех, от «неправильных» слов и использующий только «правильные» слова. Иначе говоря, Бэкон видел путь к созданию философского языка через «очищение» естественного языка.

В трактате *О достоинстве и приумножении наук* (1625) Бэкон отмечает, что между языками мира существуют различия, касающиеся не чисто внешней, звуковой формы, а образования слов и построения фразы. По его мнению, эти различия, надлежащим образом изучаемые «философской грамматикой», должны быть связаны с различиями в «гении» народов.

Несколько позднее Джон Локк (1632—1704) указывал, что если сравнить различные языки, то станет очевидным, что они обнаруживают глубокие различия прежде всего в области общих идей. «Связи между словами и вещами не являются универсальными; познание вещей, если оно стремится к универсальной значимости, обязательно должно отрываться от слов конкретного языка». Таким образом, как отметил Т. де Мауро, еще за целый век до Гумбольдта многие осмысливали язык в «гумбольдтианских» терминах.

Томас Гоббс (1588—1679) рассматривал процесс научного мышления как своеобразное исчисление понятий. При этом понятия могут быть как простыми (элементарными), так и сложными. Последние получаются в результате сложения простых понятий. Так, понятие «человек» есть результат сложения понятий «тело», «одушевленное» и «разумное»; понятие «планета» = «небесное тело» + «светящее отраженным светом». Главная задача — выявить элементарные понятия.

Рене Декарт (1596—1650) полагал, что все исходные, элементарные понятия можно расположить в определенном порядке подобно **естественному ряду чисел**. Как известно, все бесконечное разнообразие чисел получается в результате комбинаций всего лишь десяти **цифр**. При этом очевидно, что можно научиться за **один день** называть **все числа** на любом иностранном языке. Точно так же вся система понятий может быть сведена к незначительному числу элементарных, далее неразложимых понятий. Нужно лишь найти эти понятия и установить правила исчисления **всех понятий** подобно исчислению математических чисел. Истинная философия может перечислить **все мысли** и расположить их **в определенном порядке**. Все зависит лишь от нахождения элементарных понятий. В результате применения определенных **формальных операций** по определенным правилам можно получить **выводные знания**, истинность которых гарантируется философским характером языка. Иными словами, философский язык рассматривался как результат построения совершенной философской картины мира. По своему же устройству такой язык предполагался предельно простым. Он должен иметь **один** способ спряжения, **один** способ склонения и **единый** способ словообразования. В нем не должно быть неправильных слов и исключений. Все словообразовательные элементы должны быть помещены в словарь. Пользуясь таким словарем, можно в течение шести месяцев свободно овладеть этим языком. (Как известно, на подобных принципах был создан искусственный язык *эсперанто*.)

В целом можно сказать, что первоначально идея универсального философского языка имела, как отмечалось, скорее умозрительный характер: философы больше были заняты выявлением принципов Построения такого языка, а не практическим его созданием. Ближе всех к осуществлению практических целей подошел **Исаак Ньютон** (1643—1727). Его проект языка выгодно отличается от всех других, по словам В.А. Успенского, своей «лингвистичностью»: в нем постоянно Присутствует «точка зрения говорящего», а завершающий раздел перекликается с современными исследованиями по семиотике текста.

Рукопись работы Ньютона была утеряна и увидела свет лишь в 1957 г. На русский язык она была переведена Л.В. Кнориной. Вот как начинается Ньютон свою работу: «Диалекты отдельных языков так сильно различаются, что всеобщий Язык не может быть выведен из них столь верно, как из природы самих вещей, которая едина для всех народов и на основе которой весь Язык был создан вначале. Система бытия построена из отдельных субстанции (духов и тел), каждая из которых находится в том или ином положении, состоянии или кон-диции. Использование языка в том и состоит, что один человек может обозначить для другого, в каком состоянии та или иная субстанция есть, была, будет, может быть, должна быть, желаемая быть, побуждаема быть и т.д. Этого достаточно в качестве вступления к тому, что последует». А далее следует описание букв и их основных сочетаний. Затем предлагается составить для каждого языка по два алфавитных двуязычных словаря, например, англо-универсальный и универсально-английский.

В универсальном языке удобнее сделать так, чтобы вещи одного сорта начинались с одной и той же буквы, например инструменты — с *s*, животные — с *t*, страсти души — с *b* и т.д. Путем префиксации можно выражать разные степени свойства вещи: «Пусть *tor* обозначает вещь, которая горячая, холодная или теплая. Тогда *utor* — горячо, *owtor* — чрезвычайно горячо, *oewtor* — очень горячо, *awtor* — умеренно горячо, *ewtor* — очень мало горячо, *iwtor* — чрезвычайно мало горячо, *etor* — тепло, *iytor* — чрезвычайно мало холодно, *eytor* — очень мало холодно, *aytor* — умеренно холодно, *oeytor* — очень холодно, *oytor* — чрезвычайно холодно, *itor* — холодно, *ator* — ни очень горячо, ни очень холодно, *oetor* — умеренно горячо или умеренно холодно, *otor* — очень горячо или очень холодно». Аналогичными способами можно выразить причины и аспекты действий и состояний, время пребывания в состоянии, разнообразные модальные оттенки и т.п. В заключение приводятся соображения о наиболее рациональном порядке слов в предложении.

Переводчик отмечает, что «по сравнению со своими современниками Ньютон в большей степени опирается на традиционную грамматику и развивает логико-философское осмысление основных понятий и принципов их языкового отражения. И в меньшей степени он ориентируется на какую-либо определенную установку своего времени. При этом его отбор универсальных грамматических категорий, чрезвычайно детальная разработка систем их значений, отбор отражаемых в грамматике элементов семантики (словаря и синтаксиса) и функциональной перспективы (в частности, установок говорящего), по-видимому, оригинальны. От других проектов работа Ньютона отличается и лаконичной, четкой подачей материала, способствующей представлению о грамматике как цельной системе».

Исследования **Готфрида Вильгельма Лейбница** (1646—1716), связанные с разработкой абстрактного математического языка, легли в основу современной математической логики — универсального семантического языка. В отличие от естественного в философском языке вместо слов используются специальные символы. При этом Лейбниц, как и Декарт, полагал, что подобно тому, как цифры и другие математические знаки служат лишь инструментами вычисления, философский язык должен быть инструментом создания философской картины мира.

В отличие от названных предшественников Лейбниц проявлял большой интерес к конкретным языкам как в теоретическом, так и в практическом аспектах. Вот круг проблем, которыми так или иначе занимался немецкий ученый: 1) родство языков, 2) сравнительное изучение языков, 3) изучение живых языков и диалектов, 4) создание всемирного алфавита на базе латинского, 5) этимология, 6) составление языковой карты мира, 7) применение точных методов в исследовании языка, 8) создание искусственного международного языка.

Таковы основные моменты, связанные с проблемой «философского» языка.

Что касается лингвистического направления теоретических исследований языка, то оно представлено известной *Грамматикой Пор-Рояля*, написанной в 1660 г. двумя учеными — логиком и фило-софом **Антуаном Арно** (1612—1694) и грамматиком Клодом **Лансло** (1615—1695) из аббатства Пор-Рояль под Парижем, крупнейшего научного центра XVII в. Авторы объясняют, почему грамматика может быть как «общей и рациональной», так и частной, конкретной, а логика — нет. Грамматика как искусство говорить различна для разных языков, однако при этом во всех языках есть нечто общее, что и является предметом «общей и рациональной грамматики». В логике такого противопоставления сделать нельзя, поскольку «искусство мыслить» является общечеловеческим, независимым от того, на каком языке говорит и думает человек. Если логика для всех людей одна, то и грамматика должна быть одна. Она не может быть грамматикой какого-либо отдельного языка, а лишь всеобщей. Для выявления универсальных моментов, которые обязательны во всех конкретных языках, авторы используют в основном факты французского, привле-

кая для сравнения примеры из древнегреческого, латинского, древнееврейского, испанского, итальянского, английского и немецкого языков.

Полное название работы выглядит так: *Всеобщая и рациональная грамматика, содержащая основы искусства речи, изложенные ясно и естественно; рациональные основания того, что является общим для всех языков, как и главных различий между ними; а также многочисленные замечания о французском языке.*

Граматику авторы определяют следующим образом: «Грамматика — это искусство говорить. Говорить — значит выражать свои мысли знаками, которые люди придумали для этой цели».

В первой части *Грамматики* даются общие определения и рассматриваются звуки и буквы. Авторы отмечают, «что наиболее удобными знаками являются звуки человеческого голоса. Но звуки преходящи, и для того чтобы продлить их существование и сделать видимыми, придумали другие знаки, а именно знаки письма». В этом плане язык, отмечают авторы, представляет собой «чудесное изобретение, благодаря которому из 25 или 30 букв создается бесконечное разнообразие слов».

Вторая часть работы посвящена слову, которое определяется как то, «что произносится раздельно и пишется раздельно». Мы не будем подробно рассматривать все разделы, поскольку эта грамматика достаточно подробно описывается в учебниках. Укажем лишь основные особенности. Все слова подразделяются на две группы: одни служат для обозначения предметов мысли, другие «показывают, как мысль протекает». Здесь имеется в виду прежде всего глагол. Однако для выражения суждения необходим еще и третий элемент — связка: *Земля есть круглая*. Таким образом, структура суждения включает субъект, связку и атрибут. Особенность глагола заключается в том, что он «способен обозначить утверждение», поскольку в нем происходит соединение связки с атрибутом: *Петр живет* эквивалентно *Петр есть живущий*.

Для обозначения предметов мысли служат имена, артикли, местоимения, предлоги и наречия, для выражения «формы и способа» мысли — глаголы, союзы и междометия. Безличных глаголов, по мнению авторов, не существует: все они — личные. Инфинитив, герундий и супин — разновидности имени, причастие — это прилагательное.

Особый интерес представляет анализ предложений, содержащих «несколько суждений, каждое из которых можно превратить в отдельное суждение». Так, предложение *Невидимый Бог создал видимый мир* по содержанию эквивалентно трем предложениям: *Бог — невидим; Он создал мир; Мир — видим*. «Из этих трех предложений главное — второе: именно оно содержит самое существенное в рассматриваемом предложении, а первое и третье всего лишь привходящи, т.е. являются частями главного: первое входит в его субъект, а последнее — в атрибут». (Здесь очевиден прообраз базисных и интродуктивных предложений трансформационной грамматики.)

Синтаксису посвящена лишь последняя глава второй части. В ней указывается, что «связывание слов подразделяется на согласование, при котором слова должны быть согласованы друг с другом, и управление, при котором одно из двух слов вызывает изменение в другом». Далее приводятся несколько общих правил, которым следует большинство языков (и которые очень напоминают правила эллипсиса, данные Санчесом):

1. «Никогда не встречается именительный падеж, который не был бы соотнесен с каким-либо глаголом, выраженным в речи или подразумеваемым»;
2. «Также не бывает глагола, который не имел бы своего именительного, выраженного в речи или подразумеваемого»;
3. «Не может быть прилагательного, которое не было бы соотнесено с существительным»;
4. «Никогда не бывает в речи родительного падежа, который не управлялся бы другим именем».

В заключение отмечается, что сказанного о синтаксисе вполне достаточно для понимания его «естественного порядка, при котором все части высказывания выражены

просто и нет ни одного лишнего или недостающего слова, а их взаимное расположение соответствует естественному течению наших мыслей». Однако в речи люди часто отступают от этого «естественного порядка», используя разнообразные фигуры.

Сравнивая между собой две универсальные грамматики, можно отметить следующее. Если для Санчеса главное в грамматике — это синтаксис, т.е. предложение и образующие его части речи, то Арно и Лансло включают в грамматику также фонетику, словообразование и морфологию. Синтаксис в *Грамматике Пор-Рояля* занимает весьма незначительное место, а основная часть работы посвящена частям речи. Санчес, исследуя грамматику литературного языка, стремится представить его **логическую** основу, которая, по его мнению, является основой **любого** конкретного языка. Иначе говоря, метод анализа, используемый Санчесом, — дедуктивный. Авторы *Грамматики Пор-Рояля* используют метод индукции — анализируя разные конкретные языки, они пытаются выявить те общие закономерности, которые встречаются в этих языках, и считают, что найденные закономерности являются общими для всех языков. Основным недостатком индуктивного метода заключается в том, что индукция по возможности должна быть **полной**. В отношении *Грамматики Пор-Рояля* этого сказать нельзя. Ж. Мунен упрекает Арно и Лансло в ограниченности списка используемых языков: это прежде всего латинский, французский, греческий и древнегреческий; немецкий упоминается два или три раза, так же как испанский и итальянский; один раз встречается валлонский пример. В этом смысле французский невольно оказывается в привилегированном положении. Мунен критикует авторов *Грамматики Пор-Рояля* за то, что они не использовали такие языки, как польский, венгерский, турецкий, арабский и т.д., которые уже были к тому времени описаны. Следовательно, собственно универсальной *Грамматике Пор-Рояля* назвать вряд ли можно. Это скорее характерологическое описание французского языка в сопоставлении, с одной стороны, с логической структурой, а с другой — с некоторыми языками.

Т. де Мауро отмечает, что во Франции XVII в. аристотелевская логическая концепция языка нашла поддержку у такого авторитетного философа, как Декарт. А потому понятно, почему *Общая и рациональная грамматика Пор-Рояля* была написана в декартовском и аристотелевском духе: «в ней буквально по пунктам повторяется тезис о том, что языковые, и особенно синтаксические формы и категории, непосредственно связаны с понятиями и категориями логического, универсального характера».

Тем не менее *Грамматика Пор-Рояля*, по словам Б.А. Ольховикова, «имела огромный успех и служила непререкаемым авторитетом в течение 50 лет. В Европе ее влияние было так велико, и она настолько опередила свое время, что на протяжении этого периода не появилось ни одной общей грамматики, ни одного языковедческого или философского труда, которые как-то по-иному ставили бы вопросы, относящиеся к общей теории языка... *Грамматика Пор-Рояля* создала предпосылки для сравнительного языкознания». С другой стороны, Ж. Мунен считает, что *Грамматика Пор-Рояля* надолго затормозила развитие лингвистической мысли, несмотря на то, что о ней восхищенно отзывался Соссюр, а Хомский считает ее предшественницей своей трансформационной грамматики.

Помимо многочисленных комментариев к *Грамматике Пор-Рояля* написан и ряд работ, в которых идеи Арно и Лансло получают дальнейшее развитие. Так, в 1751 г. появляется работа Джеймса Хэрриса (1709—1786) *Гермес, или философское исследование общей грамматики*, которую считают наиболее исчерпывающей философской грамматикой XVIII в. в Англии. Д. Хэррис полагает, что теория языка зависит от теории разума. «Разум, как и другие способности, может быть познан лишь через его действие» и только через логический анализ или «наблюдение за разумом в процессе его действия». Однако помимо универсально-логической, рациональной основы языка говорится и о его **социальной** основе. При этом Хэррис опирается не только на чисто рациональные принципы, на разум, но и на **восприятие**. Основной единицей постулируется **период**, или предложе-

ние, от которого, через анализ значения, осуществляется переход к частям речи. Число предложений может быть сведено к некоторому конечному числу классов. Предложения делятся на слова, подразделяющиеся на два класса: субстанции и атрибуты. Первичными элементами языка являются звуки, комбинации которых дают слоги, а комбинации последних — слова; правильные комбинации слов образуют предложение, а правильные комбинации предложений — период. В основе значения лежит установление соответствия между словом и действительностью.

Отмечается, что не все универсальные грамматические категории находят свое выражение в каждом языке — в разных языках имеются, как сказали бы нынешние типологи, «незаполненные клетки». Рассматриваются способы выражения одного и того же универсального грамматического значения разными средствами разных уровней языка. А так как наборы таких средств в разных языках различны, то каждый язык представляет собой совокупность, с одной стороны, общих, универсальных понятий, а с другой — специфических (идиоэтнических). Именно последние и образуют **гений** каждого конкретного языка.

Тема: Зарождение сравнительно-исторического языкознания.

Первый период сравнительно-исторического языкознания:

Ф. Бопп, Р. Раск, Я. Гримм, А.Х. Востоков

В отличие от XVII в., который был веком логики и рационализма, XVIII в. характеризуется становлением идей психологии. К этому следует добавить, что XVIII в. — это век, предшествовавший развитию сравнительно-исторического языкознания, век становления историзма. В эту эпоху, по наблюдениям, Ж. Мунена, о языке пишут все: поэты, философы, политики, экономисты.

Собственно сравнительно-историческое языкознание как таковое появилось не сразу, а в два этапа: первоначально внимание исследователей было направлено на сравнение языков, на установление близости между некоторыми из них. При этом следует отметить определенную роль *Библии* в развитии этого направления. Так, библейская история о строительстве Вавилонской башни дала повод считать, что первым языком человечества был древнееврейский, а все остальные языки произошли в результате искажений этого языка. История о потопе натолкнула на мысль, что языки потомков Ноя находились между собой в родственных отношениях, как и сами потомки.

Под влиянием авторитета *Библии* мыслители исходили из того, что не только все языки произошли от одного, но и что этот первоначальный язык был еврейским. Раскус Раск так отзывался об этой теории: «Не приходится удивляться тому, что это так хорошо удавалось, так как уже с самого начала в этом были так уверены». В. Томсен говорит о массе трудов XVII—XVIII вв., которые или основываются на этом убеждении, или непосредственно стремятся к тому, чтобы доказать его правильность. Одной из наиболее подробных и самых характерных работ этого направления является работа **Этьена Гишара** (перв. половина XVII в.) *Этимологическая гармония языков* (1606 г.). Однако М. Мюллер указывает, что Гишар соединяет еврейский, халдейский и сирийский языки в один класс языков и, кроме того, делает различие между романскими и тевтонскими языками. Мюллер говорит о том, что первым, кто действительно одолел предрассудок, будто еврейский язык есть источник всех языков, был Лейбниц.

Как уже говорилось, сравнительным изучением тюркских языков занимался еще в XI в. Махмуд Кашгарский.

В Новую эпоху, в 1538 г., появляется труд **Гвильельма Постелиуса** (1510—1581) *О родстве языков*; в 1548 г. — труд **Теодора Библианлера** *Об общих связях всех языков*; в 1555 г. — работа Конрада Геснера *Митридат*.

Постелиус предлагает первую типологию языков, противопоставляя языки «грамматические» (греческий и латинский) языкам «натуральным», или «природным» (древне-

еврейскому и другим семитским). Он считал, что из этих языков греческий и латинский заимствовали флексии. Библиандер, знакомый с древнееврейским и польским языками, полагал, что они грамматически так же организованы, как и греческий, и латинский. Он, как и Постелиус, отрицательно относился к мнению о том, что некоторые языки не имеют никакой грамматики.

В 1599 г. выходит работа французского и голландского ученого Иосифа Юстуса (Жозефа Жюста) Скалигера *Рассуждения о языках европейцев*. В ней, по словам В. Томсена, «мы находим первую попытку группировки всех европейских языков — попытку, которая при всей своей краткости обладает поразительной ясностью и полнотой». Исследуемые языки объединяются в одиннадцать групп — четыре больших и семь малых. Объединение в большие группы происходит на основании того, как в языках произносится слово *Бог*: латинская (*Deus*), греческая (*Theos*), тевтонская (*Godt*) и славянская (*Богъ*). Семь малых групп представлены албанским, татарским, венгерским, финским, ирландским, кимрским (бриттским) и баскским языками.

Литовский ученый Михало Литуанус в книге *Об обычаях литовцев* (1615 г.) приводит около ста слов, сходных в литовском и латинском языках. Историк Прибалтики Келх в *Истории Лифляндии* говорит о родстве финнов, эстонцев и ливов.

К концу первой половины XVII в. была установлена тесная связь между древнееврейским и арабским языками.

Как уже отмечалось, немецкий философ Готфрид Вильгельм Лейбниц проявлял большой интерес к проблемам языка и языков. М. Мюллер считает, что Лейбниц «первый применил принцип здравого индуктивного умозаключения к предмету, о котором до него рассуждали совершенно наудачу. Он указал на необходимость главным образом собрать как можно большее число фактов. Он воззвал к миссионерам, путешественникам, посланникам, князьям и государям о помощи ему в деле, которое он так сильно желал исполнить».

По словам Мауро, Лейбниц на точных и убедительных примерах показывает, что в разных языках синтаксические конструкции и организация морфологической системы не совпадают. В связи с этим Лейбниц приходит к выводу, что у каждого языка своя «особая физиономия» не только в звуковом, но и синтаксическом и семантическом аспектах. В отличие от Аристотеля для Лейбница каждый язык предстает отнюдь не просто в виде звуковой оболочки, прикрывающей каркас универсальных понятий и категорий, «одинаковый для всех»; каждый язык — это некий инструмент, позволяющий по-иному разложить содержание опыта на дискретные понятия, концепты и категории. Поэтому говорение не является лишь пассивной регистрацией опыта, это средство формирования самого опыта, составляющего содержание говорения. В этом плане мнение немецкого философа о том, что язык не только отражает историю народа, но и способен обуславливать его мировоззрение, совпадает со взглядами Локка и Вико.

Лейбниц считал, что наличие общих корней в греческом, латинском, германских и кельтских языках говорит об их родстве и общем происхождении. Все известные ему языки он подразделял на две основные группы: **арамейские** (семитские) и **яфетические**. В последних он выделял две подгруппы: **скифскую** (финский, тюркские, монгольские, славянские) и **кельтскую** (западноевропейские).

Голландец **Ламберт тен Кате** в своем *Введении в изучение благородной части нижненемецкого языка* (1723 г.) проводит сравнение готского, немецкого, голландского, англосаксонского и исландского языков.

М.В. Ломоносов в *Материалах по русской грамматике* (1755 г.) говорит о родстве русского, латышского, греческого, латинского и немецкого языков и высказывает мысль о том, что родственные языки возникают в результате распада некоего более древнего языка.

Основы систематического сравнительного исследования славянских языков в 1791—1792 гг. заложил чешский лингвист **Йозеф Добровский** (1753—1829), положивший

начало славянской филологии своей работой *Основы древнего наречия славянского языка* (1822).

Огромное значение в развитии сравнительного языкознания имело «открытие» европейцами санскрита, в котором было обнаружено поразившее всех большое сходство с европейскими языками. Первые сведения о санскрите — это свидетельства купцов и путешественников, побывавших в Индии. В 1767 г. французский священник **Керду** представил Французской академии письменный доклад, в котором указал на сходство латинского языка и санскрита и выразил мнение о том, что они произошли из одного общего языка, который более не существует. Доклад был оставлен без внимания (опубликован лишь в 1808 г.).

В 1786 г. английский востоковед **Уильям Джоунз** (1746—1794), служивший в Бенгалии верховным судьей, основавший Азиатское общество для исследования языков и культуры Индии, сделал на заседании этого общества доклад *Азиатские исследования*, в котором отметил: «Санскритский язык при всей своей древности обладает изумительным строем. Он совершеннее греческого, богаче латинского и утонченнее обоих, в то же время он обнаруживает столь близкое родство с греческим и латинским языками как в глагольных корнях, так и в грамматических формах, что оно не могло сложиться случайно; родство это так поразительно, что ни один филолог, который желал бы эти языки исследовать, не сможет не поверить, что все они возникли из одного источника, которого, быть может, уже не существует. Имеется сходное, хотя и не столь убедительное основание полагать, что готский и кельтский языки, хотя они и смешаны с совсем другими диалектами, произошли от того же источника; к этой же семье языков можно было бы причислить и древнеперсидский язык».

Джоунз не доказывал своих предположений с помощью анализа языковых форм, поэтому его нельзя считать основоположником сравнительно-исторического языкознания. Однако его мысль о родстве языков и их общем происхождении была принята учеными. Начинают выходить в свет многочисленные грамматики санскрита.

Идея историзма вошла в лингвистическое сознание лишь в XVIII в. До этого времени язык считался неизменным. Новый взгляд на язык связывается с появлением в 1725 г. работы **Джамбатиста Вико** (1668—1744) *Новая наука*, в которой высказывается идея круговорота развития общества по трем циклам, состоящим из трех эпох: божественной (безгосударственной), героической (аристократическое государство) и человеческой (демократическая республика или монархия). Ж. Мунен считает *Новую науку* первой работой о теории происхождения языка. Согласно Вико, сначала появились звукоподражания, затем междометия, а затем — частицы, которые предшествовали образованию имен и глаголов. Три эпохи развития общества определяют и три этапа развития языка. Первый этап — «язык богов», необходимый в период, когда люди еще не умели пользоваться речью. Второй этап — «героический, или поэтический», язык, также еще немой, но он мог быть уже письменным. Третий этап — «эпистолярный» язык — язык масс, который служил практическому общению.

Вико, как отмечает Мауро, отстаивает мысль, что ошибочно усматривать в языках отражение универсальных категорий и понятия, о которых говорят аристотелики и рационалисты (о категориях и понятиях, которые предшествуют человеческой деятельности). Он считает такую концепцию «очень наивной»; она не в состоянии учесть и объяснить все те «бесконечные частности» каждого языка, которые не поддаются логическому анализу грамматистов рационалистического и аристотелевского толка. Языки возникли задолго до того, как люди «смогли посещать школу Аристотеля»; знание, выраженное с помощью этих языков, не может быть рациональным, логическим и научным. Напротив, это донучный, не рациональный способ группировки действий и предметов, их выделения и классификации с помощью слов, основанный на воображении и фантазии. Поэтому анализ языков, проводимый склонными к логицизму грамматистами, которые стремятся проверить язык одной-единственной логикой, «логикой конкретного философа» — Аристотеля,

является ошибочным. И даже когда языки становятся орудием рационального, научного познания, в них неизбежно сохраняется древний, традиционный фонд, который по-разному комбинируется с новыми функциями. Каждому языку присущ свой особый «гений», обусловленный историей соответствующей нации.

Появляется целый ряд работ, посвященных происхождению и развитию языка, авторы которых — известные философы XVIII в.: **Жан Жак Руссо** (1712-1778), **Дени Дидро** (1713-1784), В.Г.Лейбниц (теории происхождения языка рассматриваются обычно в курсе «Введение в языкознание»).

Известный интерес представляет концепция Иоганна Кристофа Аделунга, изложенная в работе современного немецкого лингвиста Х. Шмидта *Живой язык* (1986 г.). Автор отмечает, что Аделунг сыграл определенную роль в процессе перехода от нормативной грамматики к исторической. Он подчеркивал тесную связь языка с духовной жизнью народа, выразителем которой и является язык. В этом плане важно изучать не только общие, но и индивидуальные языковые закономерности. Аделунг рассматривает язык как живое существо, которое проходит детство, зрелые годы и дряхление. Язык что-то «ощущает», к чему-то «стремится», чего-то «избегает» и т.п. Все это свидетельствует о неудовлетворенности механистическими концепциями языка. Понятие организма олицетворяет нечто целое, свойства которого не могут быть объяснены как сумма свойств его частей. «Органистическая» концепция Аделунга получила дальнейшее развитие в работах Шлегелей, Гумбольдта, Шлейхера.

В 1759 г. английский социолог и экономист **Адам Смит** (1723—1790) опубликовал трактат *О первоначальном формировании языков и различии духовного склада исконных и смешанных языков*. Судьба этой работы сходна с историей грамматики Ф. Санчеса: до последнего времени она была не известна широкому кругу лингвистов. «Открыл» ее **Соломон Давидович Кацнельсон** (1907—1985), который и отметил ее существенный вклад в науку о языке.

А. Смит излагал свой оригинальный взгляд на происхождение и развитие языка. Он считал, что первыми «словами» человеческого языка были обозначения не отдельных предметов, а **целостных событий**. Позднее эти события стали разлагаться на составляющие их элементы, в результате чего появились «настоящие» слова, вычленимые из обозначения целостного события, которое теперь уже становится сложным. В связи с этим происходит разделение функций между словами и образование частей речи. Этим отвергалось наивное представление о том, что слова представляют собой номенклатуру наименований, соответствующих такому же количеству вещей.

Большую роль в развитии языков А. Смит придавал процессу смешения, в результате которого происходил переход от флективных (синтетических) языков к аналитическим.

В 1772 г. выходит работа **Иоганна Готфрида Гердера** (1744—1803), одного из лидеров немецкого движения «Буря и натиск» в 1770-х гг., *Исследование о происхождении языка* (ее обычно считают первой исторической теорией языка), в которой излагается идея естественного происхождения и развития языка.

Как и Кондильяк, Гердер считал, что язык не дан Богом, а создан человеком в процессе взаимодействия жестов и естественных рефлекторных выкриков, которые развились в нерегулярные высказывания, а затем — в поэзию. Возникновение языка не случайно, это закономерное явление в развитии человека: происхождение языка свойственно человеческой природе. Звуковой язык человека является порождением самого человека, орудием, которое он создал для реализации своих внутренних потребностей, выражения своей глубинной природы.

Однако вместо схемы, предложенной Кондильяком, Гердер предлагает специфически человеческое свойство «рефлексии», которая компенсирует слабости человеческих инстинктов. Сознание позволяет человеку, в отличие от животного, быть свободным от инстинкта, от прямого влияния внешней среды. Именно это и позволило ему стать «чело-

веком разумным». Человек обладает способностью созерцания, наблюдения и сравнения, в результате чего он может выделить наиболее существенные, важнейшие признаки и идентифицировать предмет на основе выбора одного из многих свойств, характеризующих его. Например, ягненок идентифицируется по его бляению; видя ягненка вновь, человек мысленно воспроизводит бляение. Этого уже вполне достаточно для установления языка, даже в отсутствие слушающего. То, что слышит слушающий, — это не рефлекторный звук, но это и не просто имитация. Далее Гердер рассуждает о жестовом компоненте языка и о взаимном усилении языка и мышления.

Язык и мышление неразрывны: благодаря языку люди научились мыслить, а благодаря мышлению — научились говорить. Язык появляется как необходимое условие и инструмент для конкретизации, формирования и выражения мысли. Человеческое познание возможно только через посредство языка. В намеренном акте наименования (обозначения) происходит объединение ощущения, индивидуального разума и предмета. То, что ранее воспринималось смутно и неосознанно, получает эксплицитное выражение. В слове происходит взаимопроникновение ощущения и сознания, и причина этого есть слово, которое одновременно является и звуком, и значением. Узнавание предмета по выделенному признаку также используется как начальная ступень идентификации в мысленном процессе. Параллельно происходит усложнение восприятий идентичности, качества и действия в процессе появления существительных, прилагательных и глаголов.

Первоначально появляются слова, обозначающие конкретные предметы, а на их основе — общие понятия. А поскольку каждое именование (обозначение) включает и эмоциональное отношение к обозначаемому, каждое слово и язык в целом отражают специфику мировидения того, кто пользуется данным языком. Структура языка есть истинное отражение человеческой природы, духа народа. Вместе с развитием человека развивается и его язык.

Язык представляет собой силу, объединяющую все человечество, связывающую отдельные народы. В проявлениях языка воплощаются как отдельный народ, так и все человечество. Своеобразие языков Гердер объясняет тем, что именно в них отражается дух народа. Взгляды Гердера на язык как на ключ к проблеме национального характера говорящих на нем, тоже предвосхищенные Кондильяком, часто рассматриваются как источник идей Гумбольдта.

Большой интерес Гердер проявлял к изучению родного языка, фольклора, народных песен. В 1778—1779 гг. он издал *Старые народные песни*.

Идеи Вико и Гердера получили дальнейшее развитие в романтическом направлении, представители которого проявляли большой интерес к античности и средневековью, а особенно к проблемам истории возникновения и развития национальной культуры, происхождения народов, поискам «пранарода» и «праязыка». Определенный вклад в развитие романтизма внесли и братья **Гримм** — **Вильгельм** (1786—1859) и **Якоб** (1785—1863) своими *Сказками*. Почти все лингвисты XIX в. принадлежали к этому направлению. Особо следует отметить деятельность братьев **Августа Вильгельма фон Шлегеля** (1767—1845) и **Фридриха фон Шлегеля** (1772—1829). В 1808 г. выходит работа Ф. фон Шлегеля *О языке и мудрости индийцев*, которая приобрела широкую известность и стала манифестом романтизма, а также послужила основой лингвистических концепций первой половины XIX в., оказав большое влияние на развитие как сравнительно-исторического, так и типологического языкознания в XIX в.

Ф. фон Шлегель указал на родство санскрита с латинским, греческим, германскими и персидским языками не только по составу корней, но и по грамматическим формам. Это свидетельствовало, по мнению Шлегеля, о том, что все индоевропейские языки произошли от санскрита. В его работе впервые использовались термины «индогерманские языки» и «сравнительная грамматика». А предложение Шлегеля использовать для выявления генетического родства сравнение грамматических форм, хотя и не было принципиально новым, имело большое влияние на дальнейшее развитие лингвистических исследований.

Так, его идея исследовать систему спряжения санскрита в сравнении с системами спряжения других языков, возможно, подсказала Боппу направление работы; эволюционистских взглядов Шлегеля на язык придерживался Grimm в своем историческом рассмотрении языка; а классификация языков Шлегеля в соответствии с их морфологической структурой положила начало целой исследовательской программе.

Ф. фон Шлегель считал, что индогерманские языки появились сразу в состоянии наивысшего совершенства, а все их дальнейшее развитие заключалось лишь в разрушении первоначальной гармонии.

Ф. фон Шлегелю принадлежит первая типологическая классификация языков, которые он делил на два типа: 1) органические, или флективные; 2) аффиксальные (агглютинирующие). Кстати, ему же принадлежит и сам термин «флексия», который первоначально обозначал явление чередования (аблаут). Флективные языки — это высший тип языков, в которых органически (изнутри) происходит связь формы и содержания. В противоположность им аффиксальные языки характеризуются лишь механическим взаимодействием формы и содержания.

Ф. Шлегель считал, что языковые контакты и заимствования затрудняют идентификацию всех «санскритских» языков.

С. Тимпанаро отмечает, что, когда Ф. Шлегель рассматривал проблемы изменений и смешений языков, он предвосхитил теорию субстрата, связываемую обычно с именем Асколи. А по мнению Е. Кёрнера, Ф. Шлегель, несомненно, занимает место среди «отцов-основателей» сравнительной индоевропейской грамматики, а не только является интересным «филологическим подстрекателем».

Немецкий историк лингвистики Ганс Аренс называет Фридриха Шлегеля «апостолом и основоположником» научного языкознания. «Апостолом» его делали идеи, которые он отстаивал, а «основоположником» — те факты, которые он привлекал для их обоснования, и та методика, с помощью которой он отбирал и упорядочивал эти факты. Именно к Шлегелю восходит положение о том, что внешнее сходство между парами слов различных языков не является достаточным доказательством общего происхождения этих языков. Они могут признаваться таковыми только тогда, когда устанавливаются регулярные фонетические соответствия, а лексические сближения подкрепляются соответствиями в грамматике, ибо структуру языка составляет его морфолого-синтаксическая система.

Август Шлегель — выдающийся деятель романтического движения в Германии, которому удалось превратить первоначальный общий интерес к иностранным культурам, языкам и литературе в систематические научные исследования. Его наиболее значительный вклад в исследование языка лежит в области типологии языков и разработки метода.

В 1798 г. он обратил внимание на различие между аналитическими и синтетическими языками. Создав термин «сравнительная грамматика», он открыл направление для лингвистических теорий своего брата Фридриха и внес значительный вклад в теоретическое развитие сравнительного языкознания.

Он уточнил классификацию языков, предложенную Фридрихом, выделив еще один тип языков — «без грамматической структуры», т.е. изолирующие, или аморфные, языки, и предложил различать три типа языков: языки без грамматической структуры (формы), языки, использующие аффиксы, и флективные языки.

Появляются работы сравнительно-исторического и теоретического характера и в России:

Герасим Степанович Лебедев (1749—1817) — *Беспристрастное созерцание систем восточных индийских брагменов, священных обрядов их и народных обычаев* (1811 г.);

Фридрих (Федор Павлович) Аделунг (1768—1843) — *О сходстве и различии между русским языком и санскритом* (1811 г.);

Илья Федорович Тимковский (1772—1853) — *Опытный способ к философическому познанию русского языка* (о родстве русского с греческим, латинским, немецким и кельтскими языками) (1812г.);

Людвиг Генрихович Якоб (1759—1827) — *Начертание всеобщей грамматики для гимназий Российской империи*. В последней работе язык рассматривается как «система таких знаков, которые можно по произволу употреблять для сообщения мыслей», а также проводится различие между языком — совокупностью слов как членораздельных звуков и речью — рядом слов, выражающих соединяемые мысли.

Итогом работы в области теоретического языкознания XVIII в. В.А. Звегинцев считает сочинения **А.Ф. Бернарди** (1769—1820) *Учение о языке* (1801—1803 гг.) и *Начальные основы языкознания* (1805 г.), которые «подводят черту под исследовательскими работами целого периода, за которым начинается уже новая эпоха в развитии языкознания». В изучении языка Бернарди выделяет два аспекта: исторический и философский. Возникновение языка обусловлено потребностями разума. Язык развивается в соответствии с определенными законами, но без намеренного, сознательного воздействия человека. По достижении расцвета язык вступает в стадию регресса. Языкознание как «философская грамматика есть наука об абсолютных формах языка». Элементарными формами являются звуки-буквы. Элементарные слова подразделяются на слова-корни, состоящие из абсолютно простого слога, и слова-основы, обладающие чистым значением (без выражения отношений). Слияние этих двух типов слов дало современные слова. Работы Бернарди оказали большое влияние на Ф. Боппа и В. фон Гумбольдта.

Итак, «начало XIX в. в истории языкознания, — пишет В.А. Звегинцев, — проходит под воздействием трех факторов: проникновения исторического взгляда в науку, развития романтического направления и знакомства с санскритом». XIX век — это становление и оформление сравнительно-исторического языкознания. В этот период происходит дальнейшее расширение круга изучаемых языков: в 1822 г. **Жан Франсуа Шампольон** (1790—1832) расшифровал египетские иероглифы, а в 1837—1840 гг. **Георг Фридрих Гротенд** (1775—1853) расшифровал древнеперсидскую клинопись, обслуживавшую аккадский, эламский, хеттский и халдейский языки.

Начало периода **сравнительно-исторического** языкознания связано с выходом в свет следующих работ:

1816 г. — Франц Бопп — *О системе спряжения санскрита в сравнении с таковым греческого, латинского, персидского и германского языков*;

1818г. — Расмус Раск — *Исследование в области древнесеверного языка, или происхождение исландского языка*;

1819г. — Якоб Гримм — *Немецкая грамматика*, Т. I;

1820г. — Александр Христофорович Востоков — *Рассуждение о славянском языке*.

Ученые разных стран почти одновременно пришли к аналогичным, взаимодополняющим выводам, «открыв», таким образом, сравнительно-исторический метод исследования языков. При этом следует отметить, что первым написал свое исследование Р. Раек, но опубликовал он его лишь в 1818 г., поэтому основоположником сравнительно-исторического метода считается Ф. Бопп, а 1816 г. — годом рождения сравнительно-исторического метода.

Мысль о происхождении индоевропейских языков из одного праязыка высказывалась и ранее. Заслуга Боппа заключается в том, что на основе материала родственных языков он сумел построить целую теорию. По выражению А. Мейе, Бопп открыл сравнительно-исторический метод в поисках объяснения индоевропейского праязыка, так же как Колумб открыл Америку в поисках пути в Индию.

Несколько позднее вышел еще ряд работ сравнительно-исторического характера:

1833—1852 гг. — Ф. Бопп *Сравнительная грамматика санскрита, зенда, армянского, греческого, латинского, литовского, старославянского, готского и немецкого* (3 тома);

1837 г. — Я. Гримм *Немецкая грамматика* (4 тома).

1848 г. — Я. Гримм *История немецкого языка*.

Франц Бопп (1791—1867) — немецкий языковед и санскритолог, профессор Берлинского университета. В результате сравнения глагольных окончаний рассматриваемых языков Бопп показал, что формы эти — общие, что указывает на общее происхождение данных языков. Ср., например, формы глагола *быть* в следующих языках.

Бопп установил, что в индоевропейских языках существуют не только отдельные сходные явления, но они образуют целый комплекс соответствий — **единую грамматическую систему**. Однако главная задача его исследования не просто в установлении соответствий, а в том, чтобы найти объяснения формам одного языка с помощью фактов другого языка (других языков). В этом — новизна подхода Боппа, в этом — основы сравнительно-исторического метода. Семейю исследуемых языков он назвал «индоевропейские языки».

Основной работой Боппа является его *Сравнительная грамматика*, в предисловии к которой провозглашается, как отметил Ж. Мунен, новая нарождающаяся лингвистика, что позволяет противопоставить Боппа всей традиционной филологии: «Языки, которые изучаются в этой работе, исследуются ради них самих, т.е. как объект, а не как метод познания». В этом нельзя не увидеть прообраз заключительной фразы *Курса* Ф. де Соссюра. На книге Боппа воспитывались целые поколения лингвистов разных стран.

Наиболее разработанной частью *Грамматики* является морфология. Находясь под большим влиянием индийской грамматики, особое внимание Бопп уделял корню. Он считал, что слова индоевропейских языков произошли из двух типов корней — глагольных, от которых образовались глаголы и имена, и местоименных, от которых образовались личные окончания глаголов и служебные части речи. Весь механизм языка можно представить в виде взаимодействия 600—700 глагольных корней и небольшого числа местоименных корней. Эта идея получила название **теории агглютинации**.

С теорией корня связана и классификация языков, которые Бопп делит на:

- 1) языки без настоящих корней (без грамматики) — китайский;
- 2) языки с односложными корнями, способными к соединению, — индоевропейские;
- 3) языки с двусложными (трехсложными) корнями, изменения в которых происходят путем внутренней модификации корня, — семитские. Семитские языки Бопп отделяет от флективных.

Бопповская схема морфологических соответствий представляет собой основу для дальнейшей разработки сравнительной грамматики индоевропейских языков (и не только индоевропейских). Таким образом, Бопп является основоположником теории научного метода лингвистических исследований.

Расмус Раск (1787— 1832) — датский языковед, профессор Копенгагенского университета, автор многочисленных грамматик — испанского, итальянского, фризского, древнеанглийского, шведского и других языков (владел 25 языками). В. Томсен отмечает, что эти грамматики построены по системе, которую Раек сам придумал и которую он всюду пытался провести. По многим другим языкам остались его наброски и рукописи. Томсен указывает и на то, что Раек защищал этимологию от той плохой репутации, которую она приобрела. Он рассматривал ее не только как объяснение слова, но и как объяснение языка. Что касается сравнения языков, то Раек считал лексические сопоставления ненадежными — более надежными являются грамматические соответствия.

Язык, по убеждению Раска, есть «предмет природы, и знание его подобно знанию естественной истории, которое предлагает философскому рассмотрению два предмета: 1) **отношения** между отдельными предметами природы, т.е. систему; 2) **построение** этих членов и того, что к ним относится, т.е. физиологию».

По мнению Ж. Мунена, концепцию Раска следует рассматривать до работ Боппа. Роль Раска была понята довольно поздно. Только Л. Ельмслев полностью оценил его вклад в лингвистику.

Уже в первой работе Раска *Руководство по исландскому, или древнесеверному языку* (1811 г.), раньше, чем у Гримма, был сформулирован закон первого передвижения согласных в германских языках. В своей основной работе он доказывал родство германских языков с литовским, славянскими, латинским и греческим. Основным методом его исследования — последовательное сравнение исландского языка с другими языками, благодаря чему устанавливаются степени родства. При сравнении Раск опирался главным образом на выявление грамматических соответствий. Помимо этого учитывалось тождество определенного слоя лексики, а также закономерности звуковых (буквенных) переходов.

Раск показал, что балтийские языки, хотя и имеют много общего со славянскими, составляют отдельную ветвь индоевропейских языков. Он считал, что исландский язык произошел из древнефракийского языка, преемниками которого являются греческий и латинский, и что индийский и персидский языки не могут быть его предками.

В качестве самой большой заслуги Раска Томсен отмечает создание им скандинавской филологии, которая явилась результатом его исследований в области исландского языка, а также и германской филологии в целом.

Следует упомянуть еще одного датского лингвиста — **Якоба Хорнемана Бредсдорфа** (1790—1841). Его основную работу *О причинах звуковых изменений* (1821 г.) О. Есперсен считает самой важной до *Принципов истории языка* Германа Пауля. В работе Бредсдорфа, также до Гримма, описывается первое германское передвижение согласных. Кроме того, Бредсдорф первый обратил внимание на роль аналогии в развитии языка.

Якоб Гримм (1785—1863) — профессор Геттингенского, затем Берлинского университета. Как романтик много занимался изучением памятников литературы и фольклора — известен как составитель (вместе с братом Вильгельмом) сборника народных сказок. Основная заслуга Я. Гримма как лингвиста — создание исторической грамматики и разработка исторического подхода к изучению фонетики родственных языков. Как уже отмечалось, первый том *Немецкой грамматики* вышел в 1819 г. Переработанное издание, которое содержало историческую фонетику германских языков, в том числе и закон о первом передвижении согласных в германских языках, вышло в 1822 г. Все четыре тома увидели свет в 1837 г. Первый том посвящен фонетике, второй — морфологии, третий — словообразованию, а четвертый — синтаксису. Появление *Немецкой грамматики* оказало влияние на развитие лингвистической теории и практики. При этом, в отличие от Боппа и Раска, Гримм проявляет интерес к живым языкам и диалектам. Его можно считать родоначальником немецкой диалектологии. Точно так же можно сказать, что Гримм является и основоположником **исторической** грамматики. *Немецкая грамматика*, как отмечает В. Томсен, по существу вовсе не является грамматикой немецкого языка: «это скорее построенное на исторической основе, изложенное в виде сравнений описание всех как более древних, так и более новых готско-германских языков».

Гримм считает, что человеческий язык возник естественным путем. Его история представляет собой смену двух процессов — возникновение флексии и распад флексии. В общем ходе истории выделяются следующие три периода: 1) становление и рост корней и слов, которые выражают «вещественные» представления, тогда как все отношения передаются с помощью простого следования слов; 2) появление флексий и суффиксов; 3) развитие предлогов и сложных слов. Язык представляет собой вечно изменяющийся организм, ступени развития которого напоминают периоды развития растений.

Большое место в работе Гримма занимает разработка проблемы **аблаута** — начиная от древневерхненемецких форм спряжения. Он полагает, что аблаут представляет собой форму проявления духа немецкого языка, и классифицирует глаголы по формам аблаута.

Автор описывает закон не только первого передвижения германских согласных, но и второго — немецких. Итак, закон первого передвижения был описан Раском в 1818 г., Бредсдорфом в 1821 г. и Гриммом в 1822 г., однако в истории он обычно именуется «законом Гримма».

Открытие регулярных фонетических соответствий в индоевропейских языках позволило сравнительно-историческому языкознанию разработать **метод проверки** данных и выводов, которые были получены иными путями. Этим был сделан шаг по пути превращения языкознания из умозрительной в точную науку.

Александр Христофорович Востоков (1781 — 1864), академик, заведовал Императорской библиотекой, изучал памятники литературы, народные говоры, собирал русские народные песни, пословицы. Основным трудом — *Рассуждение о славянском языке* (1820).

В своих исследованиях Востоков ограничивался славянскими языками (как Grimm — германскими), не занимаясь отношениями между славянскими и другими индоевропейскими языками. Он показал, что чем древнее памятники славянских языков и диалектов, тем больше они обнаруживают сходства. Однако он отвергал существовавшее мнение о том, что старославянский является праязыком.

В отличие от Боппа и Grimma Востоков при сравнении языков использует лексические соответствия, разделяя при этом слова на две основные группы — «первоклассные» и «второклассные». К первым он относит наиболее общие и наиболее древние слова, которые являются исконными, незаимствованными: наименования человека, частей тела, родственных связей, наиболее близких человеку объектов природы, некоторые глаголы, вспомогательные слова, частицы. Ко второй группе относятся наименования производимых человеком орудий, ремесел, искусств и т.п., которые чаще всего заимствуются в процессе торговых и культурных связей.

Востоков установил соответствия в области гласных звуков русско-польского и старославянского языков. Особый интерес представляет проблема *юсов* — букв кириллической азбуки, которые не имели специальных соответствий в русском языке. Сравнивая факты разных славянских языков, Востоков показал, что юсы имеют носовой характер и соответствуют польским носовым гласным. На основании этого он сделал вывод о наличии в старославянском языке носовых звуков, которые исчезли из современных языков, за исключением польского. Таким образом, были восстановлены **предполагаемые** языковые формы, т.е. разработан **метод реконструкции** не засвидетельствованных письменными памятниками форм.

Помимо *Рассуждения* большое значение имели работы *Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея* (1842 г.), где уже четко различаются болгарские, сербские, русские («северо-русские») и украинские («южно-русские») изводы, и издание *Остромирова Евангелия* (1843 г.).

К сожалению, работы Востокова, так же как и работа Раска, не получили широкой известности в европейской лингвистике в силу того, что русский язык (как и датский) не являлся языком научного общения.

В русле нового метода стали работать многие немецкие лингвисты, из которых особенно следует отметить **Августа Фридриха Потта** (1802—1887), главным трудом которого являются *Этимологические исследования в области индогерманских языков, с особым упором на переход звуков в санскрите, греческом языке, латинском, литовском и готском* (2 тома, 1833—1836). По словам Я.В. Лоя, он по существу создал «этимологику — науку о происхождении и первоначальном значении слов. Необоснованные рассуждения греческих, римских и средневековых языковедов и философов об этимологиях слов лишили эту отрасль знания всякого уважения. Лейбниц и Раек ее реабилитировали. Но только Потт по-настоящему показал, что может дать этимология».

Адальберт Кун (1812—1881) стоит у истоков двух направлений сравнительного языкознания — лингвистической палеонтологии и сравнительной мифологии. Кроме того, он основал *Журнал сравнительного языкознания* (с 1852 г.).

Однако, несмотря на то что новый метод привел к полнейшему перевороту в толковании языков и оказал плодотворное влияние на их изучение, он не сразу получил всеобщее признание и одобрение. Главными противниками выступили представители клас-

сической филологии — специалисты по греческому и латинскому языкам. Классическая филология достигла, по словам В. Томсена, пышного расцвета, имела уже свою сложившуюся систему и метод, от которых трудно было отказаться. Филологов-классиков раздражало требование всеобщей «санскритизации», использование греческого и латинского языков лишь в качестве материала для сравнения.

Человеком, способствовавшим «примирению» сторон, явился **Георг Курциус** (1820—1885), филолог-классик. Его главным произведением является *Основные черты греческой этимологии* (1858—1862). Другие его работы — *Образование времен и наклонений в греческом и латинском языках* (1846 г.), *Греческая грамматика* (1852 г.) и *Пояснения к моей греческой грамматике* (1863 г.). Его исследования включали в себя достижения новейшего языкознания и подробно познакомили с ними филологов-классиков. В результате та «санскритизация», которая вначале так отпугивала филологов-классиков, постепенно отходит на задний план, поскольку становится понятным, что санскрит не представляет всегда лишь самые древние формы и что другие языки в некоторых случаях совершенно равны с ним, а в некоторых отношениях даже превосходят санскрит архаичностью своего строя.

С позиции нового метода стали описываться языки не только германской группы. Прежде всего это коснулось языков, возникших из латыни — романских языков. Основоположником романской филологии является **Фридрих Диц** (1794—1876), главным трудом которого является *Грамматика романских языков* (три тома, 1836—1844). Его последователи — **Эмиль Литтре** (1801 — 1881), **Гастон Парис** (1839— 1903), **Поль Мейер** (1840-1917), **Грацидио Изая Асколи**(1829-1907).

Итак, открытие сравнительно-исторического метода было совершено, независимо друг от друга, Ф. Боппом, Р. Раском, Я. Бредсдорфом, Я. Гриммом и А.Х. Востоковым. Оно явилось естественным завершением той огромной работы, которая была проделана в области как практического изучения языков, так и теории языкознания. Сравнительно-историческое языкознание — это первая научная теория метода исследования родственных языков.

Тема: Лингвистическая концепция Вильгельма фон Гумбольдта

Вильгельм фон Гумбольдт (1767—1835), по общему признанию, является одним из самых замечательных лингвистов всех времен и народов, основоположником общего, теоретического языкознания. Он был разносторонне образованным человеком — в сферу его интересов входили классическая филология, философия, литературоведение, теория искусства, правоведение. Широко был круг изучаемых им языков (от европейских, включая баскский, до туземных языков малайско-полинезийских островов и языков американских индейцев). Языкознание Гумбольдта по характеру обобщений и выводов представляет собой философию языка. Однако в отличие от предшественников Гумбольдт строит свою теорию языка, основываясь на применении сравнительно-исторического метода. Это первая строго научная теория **языка-объекта**, до сих пор не имеющая себе равных. Многие проблемы, выдвинутые Гумбольдтом, стоят в центре современных научных дискуссий.

Гумбольдт считает, что ничто иное не способно приблизить к разгадке тайны человека и характера народов, как их язык. В одном из писем он замечает: «Мне удалось открыть, что посредством языка можно обозреть самые высшие и глубинные сферы и все многообразие мира». Поэтому нужно «исследовать функционирование языка в самом широком его объеме — не просто в его отношении к речи, но и в его отношении к деятельности мышления и чувственного восприятия». Концентрируя внимание на специфике каждого отдельного языка, Гумбольдт выступал за индуктивную, сопоставительную общую грамматику, основанную на конкретных фактах, позволяющих получить широкие обобщения. Это, естественно, приводило к отрицанию дедуктивной общей грамматики, в частности грамматики Пор-Рояля.

В 1820 г. в своем первом докладе в Берлинской академии наук *О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития* Гумбольдт намечает программу своих исследований — сравнение родственных и неродственных языков. Его главный труд — *О языке кави на острове Ява* — был издан в 1836 г. после смерти Вильгельма его братом Александром. В общетеоретическом плане интерес представляет введение к этой работе — *О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человеческого рода*. Задача работы — рассмотрение того, «как языковые различия и национальные подразделения связаны с работой человеческого духа, непрерывно развертывающегося с разной степенью силы все новые и новые образования, поскольку оба эти явления способны взаимно влиять друг на друга».

Гумбольдт полагал, что выявление различных способов передачи одного и того же значения в разных языках поможет проникнуть в тайну языка как средства образования мысли. В связи с этим он резко выступал против понимания языка только как средства общения. «Самые расхожие идеи, что язык — это инструмент, средство общения, а слова — безразличные знаки, грамматика — устройство, которое, в конце концов, всегда может быть употреблено — не вскрывает существа дела. Такой взгляд свидетельствует о вульгарном толковании рационализма и прагматизма Просвещения и говорит о полной тупости противу настоящего чувства языка». «Язык — не просто внешнее средство общения людей, поддержания общественных связей, но заложен в самой природе человека и необходим для развития его духовных сил и формирования мировоззрения, а этого человек только тогда сможет достичь, когда свое мышление поставит в связь с общественным мышлением... Человек не так уж беззащитен, и для организации взаимопомощи хватило бы нечленораздельных звуков... Язык — не просто средство обмена, служащее взаимопониманию, а поистине мир, который внутренняя работа духовной силы призвана поставить между собою и предметами».

Остановимся на некоторых основных проблемах, рассматриваемых в работе Гумбольдта.

Вопрос о происхождении и развитии языка. Как уже отмечалось, Гумбольдт отвергает идею о происхождении языка в результате удовлетворения потребностей в общении. Система общения животных и язык человека — это несопоставимые явления. Не внешние факторы или потребности обусловили происхождение языка, а внутренние причины; языковая способность человека — это не только его уникальный дар, но и его сущностная характеристика: «Человек есть человек только благодаря языку; а для того чтобы создать язык, он уже должен быть человеком». В связи с этим Гумбольдт считает неверным представление о том, что сложность языка — явление вторичного порядка, что язык постепенно развивался из некоторого примитивного состояния. «Каким бы естественным ни казалось предположение о постепенном образовании языков, они могли возникнуть лишь сразу. Для того чтобы человек мог постичь хотя бы одно-единственное слово, весь язык полностью и во всех своих взаимосвязях уже должен быть заложен в нем». Не согласен Гумбольдт и с тем, что создание, или «изобретение», языка потребовало от человека колоссальных умственных усилий. «Сознательным творением человеческого рассудка язык объяснить невозможно. Непосредственно заложенный в человеке язык как бы является инстинктом разума. Именно из самого первобытного состояния может возникнуть язык, который есть сам творение природы, — но природы человеческого разума». Иными словами, язык невозможно придумать.

Язык — не продукт отдельного индивида. «В действительности язык развивается только в обществе, и человек понимает себя постольку, поскольку опытом установлено, что его слова понятны также и другим... **Отдельное лицо** всегда зависит от своего целого: от народа, от племени, к которому принадлежит народ, от целого человечества. Его жизнь, с какой стороны ни возьмем ее, связана с **обществом**». Более того, язык не зависит от индивида: «Язык имеет самостоятельное бытие, и хотя действительную жизнь получает

только в употреблении между людьми, но в то же время, в существе своем, он не зависит от отдельных лиц».

Что касается развития языка, то, вслед за романтиками, Гумбольдт выделяет в этом процессе два этапа. На первом этапе идет очень деятельное звукотворчество. В эпоху образования форм «народный дух» больше занят самим языком, способом выражения, нежели тем, что выражается. Богатство и полнота форм компенсируют примитивное мышление. На втором этапе в развитии грамматической формы языка наступает застой. В этот период бурно развивается мышление, и именно в это время каждый язык приобретает свой колорит и характер.

Широкий спектр условий возникновения языка допускает такое разнообразие его структуры, что практически невозможно дать полную классификацию языков. Однако природная способность говорить есть общий дар всему человечеству, и каждый человек имеет в себе ключ к пониманию всех языков. Так, оказывается, что в языке «таким чудесным образом сочетается индивидуальное и всеобщее, что одинаково правильно сказать, что весь род человеческий говорит на одном языке и что каждый человек обладает своим языком».

Язык и мышление. Мышление всегда связано с языком, «иначе мысль не сможет достичь отчетливости, представление не сможет стать понятием. Язык есть орган, образующий мысль». Итак, язык — средство не выражения готовой мысли, возникающей неизвестно откуда, а **образования**, формирования мысли. Обозначить понятие звуком, — считает Гумбольдт, — значит соединить две вещи, которые никогда не могут совершенно перейти друг в друга. Звук и понятие по своей природе совершенно различны, и для их соединения в слове необходимо нечто третье, в чем бы они сходились. Это третье, этот посредник есть деятельность чувства (ощущение). Эта деятельность проявляется в том, что при столкновении с каким-либо предметом через посредство мышления образуется представление о предмете. Если акт восприятия **субъективен**, то представление становится **объектом** сознания. Таким образом, представление объективируется, не отрываясь от субъекта. И все это осуществляется посредством языка. (Вспомним объяснение Гердера о том, как в акте номинации происходит объединение звука, чувства и понятия.) Без такого процесса объективации невозможно образование понятий, а следовательно, мышление. «Интеллектуальная деятельность, совершенно духовная, глубоко внутренняя и проходящая в известном смысле бесследно, посредством звука материализуется в речи и становится доступной для чувственного восприятия. Интеллектуальная деятельность и язык представляют собой поэтому неразрывное целое».

В связи с изложенным представляется необходимым обратить внимание на зачастую бездумное употребление многих выражений. В данном случае речь идет о *звуковой оболочке слова*. Если слово представляет собой **единство звука и понятия**, то зачем же «напяливать» на него еще какую-то «звуковую оболочку»?

Язык — идеальный объект, существующий в умах и душах людей. С другой стороны, язык развивается только в обществе, и человек понимает себя постольку, поскольку опытным путем устанавливает, что его слова понятны другим.

Язык и сознание народа. Гумбольдт определяет народ как духовную форму человечества, имеющую языковую определенность. Специфика этой духовной формы заключается в языке народа. «Язык и духовная сила народа развиваются не отдельно друг от друга, и не последовательно одна за другой, а составляют исключительно одно и то же действие интеллектуальной способности». Понять сущность языка можно, только если рассматривать его в тесной связи с формированием народного духа, поскольку в языке фиксируется определенное мировоззрение, отражающее духовные качества народа — его носителя. «Язык всеми тончайшими фибрами своих корней связан с народным духом... Язык есть как бы внешнее проявление духа народа. Язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык — трудно представить себе что-либо более тождественное». По языку познается характер народа, а с другой стороны, духовные особенности народа определяют

национальное своеобразие языка. Таким образом, язык не только средство для постижения духа народа, но и фактор его созидания.

Учение о тождестве духа народа и его языка составляет основу лингвистической концепции Гумбольдта. И именно понятие народного духа стало главной мишенью для нападков со стороны наших слишком бдительных «философов-материалистов» и послушных им лингвистов, моментально объявивших Гумбольдта идеалистом — почти «врагом народа». Однако не все лингвисты оказались послушными. Один из таких, В.А. Звегинцев, пишет: «Почему-то забывается предельно элементарное обстоятельство, что В. Гумбольдт принадлежал определенному времени и говорил на языке своего времени. И если изучение научного наследия ориентировать лишь на его словоупотребление и, например, на основе содержащегося в его работах сложного термина "дух народа" делать выводы касательно всей концепции в целом, то это с равным успехом можно сделать и в отношении вовсе не предосудительного выражения "духовная жизнь народа". Важно вскрыть действительную сущность, скрывающуюся за подобного рода словоупотреблениями. И наибольшая трудность понимания рационального содержания научного творчества В. фон Гумбольдта заключается как раз в необходимости быть готовым к этой трудоемкой работе ума». К этому следует добавить, что ни одному «философу-материалисту» и в голову не придет обвинить в идеализме И.В. Сталина, который в качестве одного из основных признаков нации называет «общность психического склада, проявляющуюся в общности культуры». Очевидно, что данное понятие в принципе не отличается от гумбольдтовского «духа народа». Кроме того, Гумбольдт употребляет также и понятие «языковое сознание народа» (*nationeller Sprachsin*n).

Язык создает особый «**промежуточный мир**» между народом и окружающим миром. «Как отдельный звук встает между предметом и человеком, так и весь язык в целом выступает между человеком и природой, воздействующей на него изнутри и извне. Человек окружает себя миром звуков, чтобы воспринять в себя и переработать мир вещей. Эти наши выражения никоим образом не выходят за пределы простой истины. Человек преимущественно — да даже и исключительно, поскольку ощущение и действие у него зависят от его представлений, живет с предметами так, как их преподносит ему язык. Посредством того же самого акта, в силу которого он сплетает язык изнутри себя, он влетает себя в него; и каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка».

Промежуточный мир (*Zwischenwelt*), согласно Гумбольдту, — это подлинная реальность. Слово *между* указывает на то, что в языке существует **исторически закрепленная система значений**, посредством которой и происходит «преобразование» внеязыковой действительности в объекты сознания. Язык как промежуточная реальность — это не ряд готовых этикеток или ярлыков к заранее данным предметам, не простое их озвучивание. Эта промежуточная реальность сообщает не о том, **как называются** предметы, а о том, **как они нам даны**. Язык охватывает те предметы, которые входят в круг потребностей и интересов человека, и в нем отображаются не столько их чисто субстанциональные свойства, сколько отношение к ним человека. Слово — это не просто знак понятия: оно представляет собой не эквивалент чувственно воспринимаемого предмета, а его **понимание**. Слово как элемент языка мотивировано пониманием предмета. (Гумбольдт приводит простой пример: предмет *слон* у индусов может называться либо *двузубый*, либо *снабженный рукой*, либо *дважды пьющий*.)

Отношения к предметам в различных языках преломляются по-разному, через свойственное каждому языку семантическое членение. Иными словами, звучание соединяется с предметом не непосредственно, а через семантически «переработанные» единицы, которые в качестве содержательных элементов, компонентов могут стать основой самого акта обозначения, номинации, а также и акта речевой коммуникации. Овладевая языком **задолго до актов осознания**, человек усваивает одновременно и тот «способ об-

ращения» с предметом, который закреплен в данной языковой традиции. Язык как коллективное, социальное явление активно воздействует на индивида: чем сознательнее индивид пользуется языком в соответствии со своими потребностями, тем сильнее действует язык на его мышление.

Идея «языкового мировидения» существенна для осознания более глубоких основ коммуникации: люди понимают друг друга не потому, что передают собеседнику знаки предметов, и не потому, что взаимно настраивают друг друга на точное и полное воспроизведение идентичного понятия, а потому, что взаимно затрагивают друг в друге одно и то же звено в цепи чувственных представлений, прикасаются к одним и тем же «клавишам инструментов» своего духа, благодаря чему у каждого появляются в сознании соответствующие, **но не тождественные** смыслы. Таким образом, с одной стороны, понимание — это всегда в какой-то степени непонимание (недопонимание), а с другой — процесс понимания в целом, в общем, возможен потому, что «способ соединения понятия со звуком является общим для определенного народа».

Однако каждый естественный язык, каждый «языковой круг» — это не замкнутая в себе сфера значений, которая исключает любое другое видение, а **открытая** система, включенная в процесс культурного обмена с другими языками. Субъективность отдельного индивида снимается субъективностью народа, состоящего из предшествующих и будущих поколений, а субъективность народа снимается субъективностью человечества.

Внутренняя форма языка — одно из центральных понятий концепции Гумбольдта. Язык содержит множество разнообразных элементов и отношений: слов, правил, аналогий, исключений. Основа, которая позволяет объединить все эти части в единое целое, и есть внутренняя форма языка. Это специфичный для данного языка способ объединения звукового материала и психического содержания, или духа народа. Форма языка позволяет установить, каким путем выражается мировидение народа, и отличить один язык от другого. Ее не следует понимать как некую внеязыковую, чисто логическую структуру: она имманентна языку, т.е. составляет собственно язык. «Постоянное и единообразное в деятельности духа, возвышающее членораздельный звук до выражения мысли, взятое во всей совокупности своих связей и систематичности, и составляет форму языка». Особенно это имеет отношение к грамматике, к грамматическому мировидению; «В грамматике нет ничего телесного, осязаемого. Она, в отличие от слов — более осязаемых единиц языка, — состоит исключительно из интеллектуальных отношений. Поскольку грамматические различия языков заключаются в различии грамматических видений, то грамматика более родственна духовному своеобразию наций, нежели лексика».

Для уточнения понятия формы Гумбольдт вводит различие между формой и материей (субстанцией). «Язык является формой и ничем больше... Под формой языка разумеется отнюдь не только так называемая грамматическая форма... Понятие формы языка выходит далеко за пределы правил словосочетания и даже словообразования. Фактически образование основ само по себе должно объясняться формой языка». «Форме противостоит, конечно, материя; но чтобы отыскать материю, соответствующую языковой форме, необходимо выйти за пределы языка». К субстанции, или материи, относятся, с одной стороны, звук вообще, а с другой — совокупность чувственных впечатлений и произвольных мыслей. Материя противостоит форме: внутренняя форма языка служит выражением народного духа, т.е. есть явление социальное. Материя, хотя и «выходит за пределы языка», тем не менее связана с формой языка: не может быть материи без формы. С наибольшей полнотой синтез внутренней формы языка и звука осуществляется в строении слова, которое «подобно совершенному и возникшему из языка цветку. Словом язык завершает свое созидание». Образование предложения определяется структурой слова. Отсюда и типологическая классификация Гумбольдта основана на том, как организовано слово. Это флективные, изолирующие (аморфные), агглютинирующие и инкорпорирующие языки. Наиболее совершенными являются флективные языки, в которых в строго правильной форме слова полнее всего проявляется синтез внешней и внутренней форм. Ос-

тальные языки оказываются в этом плане менее совершенными — они проявляют меньшую степень силы, направленной на язык, **не решая вопроса о других умственных преимуществах** говорящих на них народов. «Пока инкорпорирующие и изолирующие языки мучительно селятся соединить разрозненные элементы в предложение или же сразу представить предложение связным и цельным, флективный язык непосредственно маркирует каждый элемент языка сообразно выражаемой им части внутри смыслового целого и по самой своей природе не допускает, чтобы эта отнесенность к цельной мысли была отделена в речи от отдельного слова».

Гумбольдт неоднократно, в разных вариантах, повторяет мысль о том, что язык представляет собой непрерывную **деятельность** духа, «стремящегося превратить звук в выражение мысли». «Язык следует рассматривать **не как мертвый продукт** (Erzeugtes), но как **созидающий процесс** (Erzeugung)». «Язык есть не продукт деятельности (*ergon*), а деятельность (*energeia*). Его истинное определение может быть только генетическим». «Формой существования языка является развитие». (Последние утверждения еще раз свидетельствуют об отрицании Гумбольдтом теории общей логической грамматики и служат обоснованием исторической точки зрения на язык.) С другой стороны, отмечается, что «язык как совокупность его продуктов отличается от отдельных актов речевой деятельности».

Гумбольдт одним из первых отметил **системный** характер языка: «В языке нет ничего единичного, каждый отдельный его элемент проявляет себя лишь как **часть целого**». С этим связано и постоянное сравнение языка с организмом как с единым целым, а не как с механическим набором элементов. Кстати, первый перевод работы Гумбольдта на русский язык (1859 г.) назывался *О различии организмов человеческого языка...* (выделено нами. — Ю.Л., Н.Б.).

Проводя различие между звуком как **физиолого-акустическим** явлением и артикулируемым звуком как **функциональной категорией**, Гумбольдт приходит к понятию фонемы.

Ученый показал, что в процессе развития языка в нем вырабатываются своего рода специализированные «языки» (подъязыки), предназначенные для обслуживания разных сфер человеческой деятельности и общения. С одной стороны, это различные формы обычного разговорного языка, с другой — «проза» (язык художественной литературы) и поэзия — высшая форма развития языка и, наконец, язык науки. В этом очевидны истоки теории функциональных стилей.

Особо следует отметить антиномичность концепции Гумбольдта, о чем часто забывают как его последователи, так и критики. Вскрывая сложный, противоречивый характер языка, он не гипостазировал какую-то одну особенность, а постоянно исходит из «единства противоположностей», выявляя их в каждом случае. К антиномичным характеристикам языка относятся следующие:

- 1) социальное — индивидуальное;
- 2) состояние — эволюция (процесс);
- 3) субъективное — объективное;
- 4) система языка — отдельные акты речи (речевой деятельности).

В. Томсен оценивает концепцию Гумбольдта как очень большой шаг по сравнению с поверхностной языковой философией и «всеобщей грамматикой» предыдущих веков. Тем не менее, «несмотря на всю признательность за это, на все восхищение этой гениальной умственной работой, нельзя отделаться... от впечатления чего-то такого, что очень далеко лежит от нас, от более эмпирического понимания языка нашего времени; абстрактное и нереальное, подчас даже мистическое, в лингвистических трудах Гумбольдта не позволяет нам полностью оценить значение его работ или даже понять то влияние, которое они якобы оказали на развитие языкознания». В этом отношении В. Томсен разделяет взгляды датского ученого **Йоганна Николая Мадвига** (1804—1886), который «изложил с боль-

шой ясностью и твердостью взгляды о сущности, развитии и жизни языка, подвергнув резкой критике все понятия о языке как о чем-то мистическом».

В противоположность этому Я.В. Лоя отмечает, что лингвистическая мысль конца XIX в. развивалась «под знаком Гумбольдта», добавляя, что «эта мысль, под влиянием Штейнтала, а позже Пауля, не охватывала теорию Гумбольдта во всей ее полноте, а использовала лишь отдельные ее части... После Гумбольдта началось измельчание лингвистической философской мысли».

Т. де Мауро говорит, что идеями Гумбольдта «легче было восхищаться, чем подражать им и развивать их».

К этому можно добавить, что влияние идей Гумбольдта распространяется не только на конец XIX, но и на XX в. Так, исследование социального характера языка осуществляется во французской социологической школе; языка как системы — в учениях Шлейхера, Бодуэна де Куртенэ, Соссюра и в школах структурализма; соотношение языка и мышления — у Штейнтала, Уитни, в психологических школах и в психолингвистике; влияние языка на мышление — в неогумбольдтианстве и американской этнолингвистике; язык как творческая деятельность индивида — у Поттебни, Кроче, Фосслера. Однако, как отмечалось, чаще всего выделяется какой-то один аспект и «забывается» его противоположность.

Тема: Сравнительно-историческое языкознание в славянских странах

Распространению сравнительно-исторического метода в славянских странах способствовала работа чешского лингвиста Йозефа Добровского *История чешского языка и литературы*. В работе рассматриваются следующие славянские языки: русский, польский, иллирийский, хорватский, чешский, а также отдельные диалекты некоторых из названных языков.

Следует также упомянуть его современников, последователей А.Х. Востокова, — словенца **Варфоломея Копитара** (1780—1844) и словака **Павла Йозефа Шафарика** (1795—1861). Копитар открыл один из важнейших славянских памятников — *Сборник Клоца*.

Шафарик был первым учеником и последователем Востокова, исследовавшим с помощью сравнительно-исторического метода славянские языки, прежде всего сербский и чешский. Ему принадлежат работы *История славянского языка и литературы на всех наречиях* (1826 г.), *Славянские древности* (1837 г.). По образцу его чешской грамматики были созданы грамматики польского языка (А. Малецкого — 1863 г.), словацкого (М. Гатталы — 1852 г.), сербского (Х. Данилича — 1864 г. и В. Ягича — 1865 г.) и русского (Ф.И. Буслаева — 1858 г.).

Основоположником славянской филологии считается словенец **Франц Миклошич** (1813—1891), определивший целый период в развитии славянского языкознания. Главный его труд — *Сравнительная грамматика славянских языков* (4 тома, 1852—1874 гг.). Ему же принадлежит *Этимологический словарь славянских языков* (1886 г.) и многие другие работы.

Большую роль в развитии славистики сыграл **Ватрослав (Игнатий Викентьевич) Ягич** (1838—1923), который был профессором сравнительного языкознания в Одессе, затем работал на кафедре славянской филологии Берлинского университета, где основал первый международный славистический журнал *Архив славянской филологии*; работал в Петербургском университете и был избран в Российскую Академию наук; с 1886 г. занял славистическую кафедру Миклошича в Вене. По словам В.В. Виноградова, Ягич «стремился в своих филологических трудах охватить все славянство, культурные и языковые явления всех славянских народов. Он писал и о древних чешских глоссах в латинской рукописи, и о болгарской надписи X в., и о древнеболгарских переводах византийских произведений, и о вопросах русской диалектологии и истории русского языка, о сербскохор-

ватской грамматике и истории сербскохорватской литературы, и о жизни и трудах Юрия Караджича, и о Пушкине в славянских литературах и т.д., и т.д.».

В России представителями сравнительно-исторического языкознания являются следующие ученые.

Измаил Иванович Срезневский (1812—1880). Окончил Харьковский университет. В Берлине под руководством Боппа изучал санскрит. С 1847 г. — профессор Петербургского университета, позднее — академик. В 1849 г. на годовичном торжественном собрании университета произнес речь об истории русского языка в сравнительно-историческом аспекте, которая позднее была опубликована как *Мысли об истории русского языка*. Срезневский считает, что понять историю русского языка можно только при сопоставлении его с родственными языками. При этом следует сравнивать древние состояния нескольких языков, а затем сопоставлять эти языки на современном уровне. Причины языковых изменений могут быть как внешними, так и внутренними. К первым относятся связи между народами, языковые контакты, ко вторым — изменения, действующие в самом языке. Он полагает, что необходимо связывать историческое изучение языка с историей народа.

Федор Иванович Буслаев (1818—1897). Окончил Московский университет, обучался за границей. Еще в университете познакомился с трудами Боппа, Гримма и Гумбольдта, идеи которых затем широко пропагандировал среди русской общественности. С 1847 г. читает лекции в Московском университете, профессор, затем — академик. Впервые в России начал преподавать сравнительную грамматику индоевропейских языков и историческую грамматику русского языка.

Основная работа Буслаева — *Опыт исторической грамматики русского языка* (1858 г.), где развиваются идеи Гумбольдта о языке как непрерывном творческом процессе, о выражении в языке духовной жизни народа, системном характере языка и т.д. В отношении языка и мышления выделяет два периода: древнейший, когда важнейшей частью грамматики была морфология, и позднейший — период синтаксиса. Считает, что русский язык как живое целое может быть понят **только в связи с прочими индоевропейскими языками**. В своих работах и лекциях Буслаев постоянно сравнивал материалы русского языка с данными немецкого, готского, латинского и санскрита.

Если ранние компаративисты обращали основное внимание на **сравнение** языков, то Буслаев полагал, что сравнительная грамматика даст возможность воссоздать общую для всех индоевропейских языков форму и позволит проследить видоизменение этой формы в русском языке. При этом призывал изучать живой язык и его диалекты.

Владимир Иванович Даль (1801—1872). Окончил Дерптский университет, талантливый хирург. Работал чиновником по особым поручениям при Оренбургском губернаторе. С 1837 г. — член-корреспондент Академии наук по отделению филологии. Известен как создатель *Толкового словаря живого великорусского языка*, содержащего около 200 тысяч слов и более 30 тысяч пословиц и поговорок, используемых в разных говорах и диалектах русского языка.

Тема: Второй этап сравнительно-исторического языкознания: А. Шлейхер, М. Мюллер. Теория «волн» И. Шмидта. Психологическое языкознание: Г. Штейнталь, В. Вундт, А.А. Потебня

Первый период в развитии сравнительно-исторического языкознания подразделяется на два этапа. Задачей **первого этапа** — от Боппа до Гумбольдта — было доказательство родства индоевропейских языков, их происхождения от общего источника. Первоначально этим источником считался санскрит, но позднее было установлено, что он тоже появился в результате распада некоего более древнего языка, праязыка.

На **втором этапе** происходит развитие сравнительно-исторического метода и исследование отдельных ветвей индоевропейских языков. Прежде всего здесь следует на-

звать **Августа Шлейхера** (1821 — 1868), крупнейшего компаративиста, доцента Боннского университета, профессора Пражского, а затем — Йенского университета, член-корреспондента Российской академии наук. С 1852 г. он приступил к изучению литовского языка, самого архаичного из всех живых индоевропейских языков, непосредственно в Литве. Помимо языкознания занимался философией и ботаникой.

Его работы: *Морфология церковнославянского языка* (1852 г.), *Литовская грамматика* (1856 г.), *Немецкий язык* (1860 г.), *Компендий сравнительной грамматики индоевропейских языков* (1861 — 1862 гг.).

Последняя — его главная работа по компаративистике, итог сравнительного изучения индоевропейских языков за истекшие полвека. Приложением к ней служит *Индогерманская хрестоматия*, где приводятся образцы и краткие описания исследуемых языков. О важности этой работы свидетельствует то, что за 15 лет вышло четыре ее издания. Большое место в *Компендии* уделяется фонетике (около трети всего объема), которую Шлейхер называл *фонологией*.

Шлейхер первый предложил **генетическую** классификацию, т.е. классификацию родственных языков, наиболее изученных к этому времени — индоевропейских. Правда, Шлейхер называл их *индогерманскими*. Он полагал, что не существует праязыка, общего для всех языков; вероятнее всего, существовало несколько праязыков, давших начало разным языковым родам, или языковым деревьям, которые, свою очередь, делятся на языковые семьи, или ветви. В результате можно представить такой языковой род в виде **родословного дерева**.

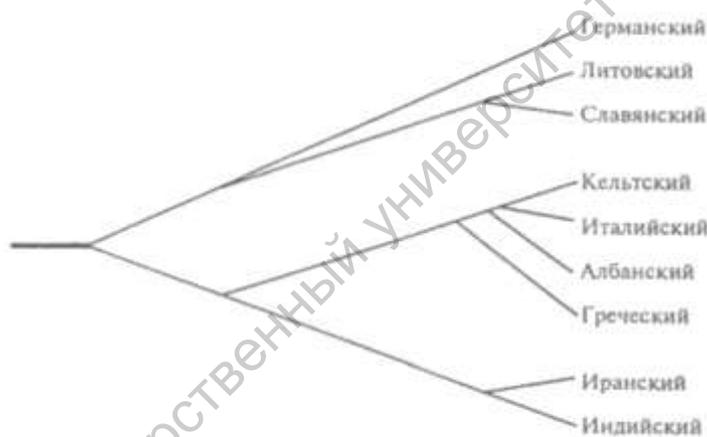

Схема родословного дерева по А. Шлейхеру

Задачей компаративистики Шлейхер считал «восстанавливать на основе доступных нам более поздних форм существовавшие в прошлом формы языка-основы семейства или же праязыка всего рода». Возможность такого восстановления он обуславливал тем, что все звуковые изменения происходят не произвольно, а в соответствии определенными законами. По словам Иоганна Шмидта, Шлейхер в своих лекциях учил: «Все изменения, которые претерпевали индогерманские слова от первобытных времен до наших дней, причинены влиянием двух факторов: фонетических законов, действующих без исключения, и перекрещивающихся с ними неправильных аналогий, которые давали себя чувствовать уже и в более древние периоды развития языка».

М.В. Сергиевский дает Шлейхеру такую характеристику: «Идея развития, эволюции, является ведущей для всего лингвистического мышления Шлейхера. Он строил — явно под влиянием естественных наук — свою теорию родословного дерева для происхождения родственных языков из общего родоначальника — "праязыка", причем для него этот последний представлял совершенно реальную величину. Характер и даже детали его могли быть, по мнению Шлейхера, совершенно точно вскрыты путем применения уста-

новленных законов его развития. Для него главным было воссоздание "праязыка" и прослеживание эволюции его форм в отдельных языках... Сам же "праязык" индоевропейской семьи мыслился Шлейхером, в отличие от Боппа, не как первобытный язык, но как продукт длительного и сложного развития, идущего от простой клеточки-корня к сложному флективному строю».

Гипотетическое восстановление форм праязыка было названо *реконструкцией*. Сам Шлейхер, как уже отмечалось, был убежден в возможности такой реконструкции и для доказательства написал басню на восстановленном им праязыке (текст ее приводится в *Хрестоматии* В.А. Звегинцева). Он считал, что в этом языке существовали 3 гласных и 15 согласных. В составе слова Шлейхер выделял корень, основу и суффиксы. Признавая теорию агглютинации, он считал, что все окончания произошли от местоименных корней, что существительное в праязыке имело 7 падежей, 3 числа и 3 рода.

Наряду с компаративистикой Шлейхер занимался и общетеоретическими вопросами, прежде всего выявлением соотношения языка и мышления. Он полагал, что язык так же необходим для мышления, как тело для духа; только посредством языка можно мыслить. «Язык есть мышление, выраженное звуками... Язык есть звуковое выражение мысли, проявляющийся в звуках процесс мышления». Однако мышление и язык не тождественны друг другу. Между ними существует определенное отношение. Чем лучше в звуках язык передает все движение духа, тем он совершеннее; чем больше звук отстает от мысли, тем менее совершенен язык. В мысли следует различать **материал** и **форму**. Материал составляют понятия и представления, а форму образуют взаимоотношения понятий и представлений.

В мышлении должны присутствовать оба компонента: и материал, и форма. В языке отношение может быть в той или иной степени выражено, тогда как понятия и представления **не могут быть не выраженными**. Получая звуковое выражение, понятия и представления становятся **значением**. Сущность языка определяется тем, как именно в нем выражаются значение и отношение. Значение выражается в корне слова, а отношение — в суффиксах. Значение и отношение вместе образуют слово. Корень можно выделить во всех языках, а от того, как выражены отношения, зависит структура слова и, следовательно, структура предложения. Характер выражения в языках отношения и составляет основу типологической классификации Шлейхера, выделяющего следующие типы языков:

- 1) языки, в которых выражены только значения; слово представляет собой нечленимое устойчивое единство, простой корень, которому в природе соответствует кристалл (китайский, бирманский);
- 2) языки, в которых выражено и значение, и отношение, однако слово лишено тесного единства и его части легко отделяются, как ветви дерева (агглютинирующие — тюркские и финно-угорские);
- 3) языки, в которых слово, выражая значение и отношение, образует единство типа живого организма (флективные).

Три класса языков представляют собой три ступени последовательного развития, которое происходило в доисторическую эпоху. В историческую эпоху языки не развиваются — наступает период их распада.

Шлейхер является создателем так называемой натуралистической теории языка, рассматривающей язык как природный организм. Мы уже отмечали, что понимание языка как организма восходит еще к Аделунгу. Позднее слово *организм* в применении к языку используется метафорически, подразумевая, что язык — это не мертвый механизм, а связанная система, которая постоянно развивается. Биологическое понимание языка в лингвистике впервые после Аделунга было представлено **Морицем Карлом Раппом** (1803—1883) в работах *Физиология языка* (1840 г.) и *Сравнительная грамматика как естественная наука* (1852 г.).

Шлейхер впервые излагает свою биологическую концепцию языка в работе *Языки Европы в систематическом изложении* (1850 г.). Особенно «популярной» эта концепция стала после появления работы Чарлза Дарвина *Происхождение видов* (1859 г.). Вскоре появляются работы Шлейхера *Теория Дарвина и наука о языке* (1864 г.) и *Значение языка для естественной истории человека* (1865 г.). В этих работах язык полностью приравнивается к живому организму, который зарождается, растет, достигает расцвета, затем оскудевает и идет к гибели. Языки вступают в борьбу за существование, борются, побеждают, гибнут. Язык относится к царству природы, к царству свободного духа. Он не зависит от воли людей. Языки — это наивысшие организмы среди организмов природы, созданные из звукового материала. Их органическая сущность проявляется в том, что они, как и другие природные организмы, группируются по родам и видам и растут по определенным законам.

Языкознание — наука естественная, а не историческая. Как и другие естественные науки, наука о языке исследует такую область действительности, в которой господствуют неизменные законы природы, и в этих законах человек ничего не в силах изменить так же, как соловей не в состоянии запеть жаворонком. В отличие от языкознания филология — наука историческая: она изучает все то, что создается людьми. Шлейхер сравнивает языковеда с естествоиспытателем, а филолога — с садоводом. Из естествознания Шлейхер заимствует и термин *морфология* — учение о форме.

Языки следуют общему закону развития органического мира: как все организмы произошли от одноклеточных, так и все языки — от простых корней. Как и всем природным организмам, языкам присуща способность к развитию, эволюции.

Ж. Мунен определяет концепцию Шлейхера в целом как «последнюю из больших систем, созданных по образцу XIII в., и как первое из больших современных обобщений в той мере, в которой автор пытается дать целостный взгляд на совокупность лингвистических знаний своего времени».

Соглашаясь со Шлейхером в отношении независимости языка от воли человека, **Макс Мюллер** (1823—1900), профессор Оксфордского университета, выступает против понимания языка как живого организма. Его работа *Лекции по науке о языке* (1861 г.) имела огромную популярность и была переведена на все европейские языки. «Язык, — отмечает Мюллер, — не имеет независимого бытия. Язык существует в человеке: он живет, если им говорят, умирает с каждым словом, которое произнесено и не слышится более... Говорить о языке, что он нечто существующее само собою, что он имеет свою собственную жизнь, что произрастает до зрелости, производит отрасли и вымирает, есть чистая мифология».

Язык нельзя считать организмом, однако языкознание относится к естественным наукам, «потому что изменения языка представляют собою рост, а не историю». Рост происходит по естественным, независимым от человека законам, а история делается людьми. Законы языка «не были придуманы человеком, напротив, человек должен был повиноваться им, не зная ничего об их существовании... Процесс, по которому язык устанавливается и разлагается, соединяет два противоположных элемента: необходимость и свободную волю. Хотя отдельное лицо представляется, по-видимому, первым деятелем в произведении новых слов и новых грамматических форм, оно является им лишь после того, как индивидуальность его исчезла в общей деятельности семейства, племени или нации, к которой он принадлежит... И если первый толчок к новому образованию в языке дан отдельным лицом, то он почти всегда, если не всегда, неумышлен и даже бессознателен... Хотя язык подвержен непрерывным изменениям, однако не во власти человека ни произвести, ни отвратить их. **Переделать закон языка** или изобретать новые слова по нашему произволу было бы то же самое, что **задумать изменить законы, по которым совершается наше кровообращение**». В качестве иллюстрации Мюллер приводит исторический анекдот, в котором император Римской империи допускает ошибку в употреблении флексии латинского слова. Ошибка исправляется присутствующим при этом монахом. Император

заявляет, что он — император и является законодателем. На это монах отвечает, что, несмотря на все свое могущество, император не волен вносить какие бы то ни было изменения в латинский язык.

Итак, с одной стороны, не во власти человека изменить язык, но с другой — не следует забывать, что язык связан с исторической жизнью народа. Аналогичных взглядов придерживается и **Уильям Дуайт Уитни** (1827—1894), который в своих работах часто ссылается на Мюллера и цитирует его.

Критиком теории Шлейхера выступил и его ученик **Иоганн Шмидт** (1843—1901). В своей работе *О родственных связях между индогерманскими языками* (1872 г.) он разрушил казавшуюся ему слишком примитивной теорию «родословного дерева», созданную его учителем. Правда, как отмечает другой ученик Шлейхера, Гуго Шухардт, идею о зависимости между языком и географическим расположением народа дал им обоим сам Шлейхер.

Прежде всего Шмидт был против понимания индоевропейского праязыка в трактовке Шлейхера. Он полагал, что «праязык» представлял собой не единое целое, а совокупность диалектов, и поэтому практически невозможно отнести все реконструированные элементы к одной эпохе. Отсюда задача компаративизма — реконструкция **отдельных форм**, а не языка в целом виде. Индоевропейские языки правильнее изображать не в виде ветвей, отходящих от общего ствола, а в виде волн, напоминающих те, которые образуются от бросаемых в воду камней. Теория Шмидта получила название «волновой теории». Языки «расходятся» волнообразно, переходя постепенно из одного в другой:

*индоиранские — балто-славянские — германские —
кельтские — италийские — греческий — индоиранские.*

(Идею о том, что не существует четких границ между соседними языками, высказали в конце 1850-х годов Герман Эбель и Адольф Пикте).

Таким образом, индийские языки находятся ближе к иранским, иранские — между индийскими и славянскими, славянские — между иранскими и балтийскими, балтийские — между славянскими и германскими, германские — между балтийскими и кельтскими, кельтские — между германскими и италийскими. Представим это схематически.

Схема «волновой теории» Шмидта

Два граничащих друг с другом языка обязательно обнаруживают некие общие, только им свойственные явления. Кроме того, если в каком-то языке возникает новообразование, оно обязательно будет постепенно расходиться в разные стороны и распространяться на все соседние языки.

«Теория волн» оказала влияние на ряд последующих лингвистических направлений, в частности на школу «слов и вещей» и на ареальную лингвистику (или неолингвистику). Подробнее об этом — позднее.

Уже в работах В. фон Гумбольдта, который исходил из концепции общечеловеческого, народного духа, разума, мышления, представлено психологическое осмысление лингвистических положений. Однако при этом Гумбольдт учитывает и индивидуальную

человеческую личность, индивидуальную психику. Под влиянием идей Гумбольдта в лингвистике складывается и оформляется **психологическое направление**. Главное в этом направлении — отказ от логики как основы для интерпретации языковых фактов и перенос внимания на отношения между индивидуальными представлениями. Первым представителем психологического направления в лингвистике является **Гейман Штейнталь** (1823—1899), профессор Берлинского университета. Вместе со своим коллегой **Морицем Лацарусом** (1824—1903) он основал «Журнал психологии народов и языкознания», где и были изложены их взгляды.

Штейнталь и Лацарус являются учениками и последователями основоположника немецкой эмпирической психологии **Иоганна Фридриха Гербарта** (1776—1841), который считал, что вся деятельность человеческого сознания управляется законами **ассимиляции, ассоциации и апперцепции**. Основные работы Штейнталя — *Грамматика, логика и психология (их принципы и их взаимоотношения)* (1885 г.); *Введение в психологию и языкознание* (1881 г.).

Полный «разрыв» с логикой провозглашен в известном тезисе Штейнталя: «Категории языка и логики несовместимы и так же мало могут соотноситься друг с другом, как понятия круга и красного». Что касается логической, или универсальной, грамматики, то Штейнталь считает, что «универсальная грамматика так же невозможна, как универсальная форма политической конституции или религии или универсальная форма растения или животного. Единственная наша задача поэтому состоит в установлении категорий реально существующих языков, и при этом мы не должны отпавляться от готовой системы категорий».

Предметом языкознания является язык, «**язык вообще**, т.е. выражение осознанных внутренних, психических и духовных движений, состояний и отношений посредством артикулированных звуков». При этом следует различать:

речь — процесс говорения;

способность говорить — физиологическую способность произносить звуки и умственную — содержание внутреннего мира;

языковой материал — все созданные в процессе говорения и постоянно употребляемые в речи элементы и, наконец,

конкретный язык, представляющий собой совокупность языкового материала какого-либо народа.

Штейнталь критически относится к термину *организм* в том смысле, в каком его понимает Шлейхер, и предпочитает использовать слово *система*.

Все развитие представлений происходит в психике индивида, однако создает язык не «индивидуум сам по себе; ведь индивидуум говорит в обществе... Говорящий создает язык одновременно из своей души и из души слушающего, и потому произнесенное слово принадлежит не только ему, но и другому. Таким образом, язык по своей сути есть продукт общества». Следовательно, индивидуальная психология должна быть дополнена **психологией народов**. Предметом изучения психологии народов является народный дух, который проявляется «прежде всего в языке, затем в нравах и обычаях, установлениях и поступках, в традициях и песнопениях». Однако основанием для психологии народа является индивидуальная психология, поскольку дух народа пребывает в индивидах и не имеет отдельного от духа индивида бытия. Иными словами, в духе народа происходят те же процессы, что и в духе индивида.

Против такого понимания народной психологии выступил **Вильгельм Вундт** (1832—1920) — первый психолог, занимавшийся исследованием языка. Нужно подчеркнуть, что в первую очередь Вундт — психолог и цель его заключается в изучении продуктов коллективной жизни людей для изучения сложных психических процессов, для «до-

бывания психологического знания из фактов языка, и прежде всего **из истории языка**». Он считает, что экспериментально изучаться могут только элементарные психические процессы (ощущения), а сложные требуют иного подхода. Основные работы Вундта, связанные с языком: *О целях и путях народной психологии* (1888 г.), *Психология народов* в 10 томах (1—2 тт. — Язык) (1900 г.), *История языкознания и психология* (1901 г.), *Элементы психологии народов* (1912 г.).

Психологию Вундт считает основной философской наукой, так как в основе всякого научного познания лежит психологический процесс. Выступая против индивидуализма, он исключает из сферы интересов психологии народов все, что имеет сугубо индивидуальный характер, — историю, литературу. Объектом психологии народов должны быть продукты общего духовного развития — язык, мифы, обычаи, а также область действий, вызванных бессознательными побуждениями, что характерно для условий жизни «на уровне инстинкта», жизни первобытных народов.

Социальный характер народной психологии (народ — не просто совокупность индивидов). Объект народной психологии — мифы, обычаи и язык. «В языке отражается прежде всего мир представлений человека. В изменении значений слов обнаруживаются законы изменения представлений, так как они имеют место под влиянием изменяющихся условий ассоциации и апперцепции. В органической структуре языка, в образовании форм слов, в синтаксической связи частей речи проявляется закономерность, которой определяется связь представлений в особых естественных и культурных условиях человеческого коллектива».

Язык возникает лишь там, где существует общая духовная жизнь, где она непосредственно ощущается как общая. Язык и мышление всегда тесно связаны и развиваются одновременно. При этом звуковой язык Вундт рассматривает как разновидность языка жестов («звуковой жест»), т.е. первоначальный язык — это язык жестов. Преимущество звукового языка в том, что он воздействует не только на интеллект, но и на чувство. В этом он сходен с музыкой. Основой психической жизни Вундт считает не интеллект, а волю. В связи с этим он полагает, что первые высказывания имели императивный характер.

Известной типологической классификации языков Вундт дает психологическую интерпретацию: ступени развития языка соответствуют ступеням психологического развития человека. В сознании индивида определенную форму прежде всего принимает **представление**, выражением которого в языке служит простой корень (как, например, в речи детей, где нет ни форм, ни флексий). Поэтому первичные языки — корневые. Затем происходит разложение одного общего представления на составляющие его признаки и объединение их в одно целое. Этой ступени развития соответствуют агглютинирующие языки. И, наконец, образование общего понятия находит свое выражение во флективных языках.

Основной единицей языка Вундт считает **предложение**. Слова представляют собой результат расчленения предложения. В основе грамматических категорий лежат логические понятия. Так, классы слов (части речи) соотносятся с классами общих понятий: предмета (существительное), свойства (прилагательное), состояния (глагол).

В российской лингвистике первым представителем психологизма был **Александр Афанасьевич Потебня** (1835—1891), профессор Харьковского университета, член-корреспондент Российской академии наук. Круг его интересов был широким: общие, философские вопросы языкознания, синтаксис, семантика, этимология, фонетика, диалектология, теория литературы, фольклор.

Еще в университете Потебня познакомился с работами Гумбольдта и Штейнталя, идеи которых он интерпретировал и развивал в своем главном труде по общему языкознанию — *Мысль и язык* (1862 г.). Его основной фундаментальный труд — *Из записок по русской грамматике* (первое издание в 1888 г.).

Вслед за Гумбольдтом он считает, что язык — это деятельность, в процессе которой происходит его постоянное обновление, что язык есть средство не выражения готовой

мысли, а ее создания, формирования. Понимание одновременно является и непониманием (недопониманием): посредством слова нельзя **передать** другому свою мысль, можно только **возбудить** в нем его собственную.

Потебня отвергает учение Шлейхера о языке как живом организме. Язык — это произведение народа и развивается по своим законам. В этом плане большую роль должно играть изучение народных мифов и преданий — именно они объединяют людей в общество. Однако единственное, неизменное и неперемное условие существования народа — это его язык. Не принимал он и идеи о двух периодах истории языка, считая, что все периоды истории народа свидетельствуют о постоянном развитии языка. Что же касается утраты флексий и возникновения аналитических форм, то это доказывает лишь, что «с увеличением способности к отвлеченному мышлению и увеличением запаса знаний многие деления и категории оказываются негодными и отбрасываются, но зато являются новые».

Он отмечал, что сравнительно-историческое изучение языков представляет собой протест против засилья всеобщей логической грамматики, и резко выступал против последней. Языки различаются между собой не только лишь звуковой стороной (как обычно утверждали логицисты), но и всем строем мысли, выражающимся в них. По словам В.В. Виноградова, он «совершил переворот в грамматических теориях, которыми до тех пор пробивалась наука о русском языке».

Язык тесно связан с мышлением. Мышление создается и получает свое выражение только с помощью языка и на его основе. «Язык есть необходимое условие мысли отдельного лица даже в полном уединении». Как уже говорилось, язык есть средство создания мысли. «В слове впервые человек сознает свою мысль». Однако язык связан не только с мышлением, но и со всей психической деятельностью человека. Тем не менее объяснения языковым фактам нужно искать не в психике, а в самом языке. На материале фактов изменений праязыка в русском, некоторых славянских и литовском языках он рассматривает вопрос об основном направлении эволюции языка и мышления, обращая особое внимание на процесс образования и изменения грамматических категорий в связи с развитием категорий мышления.

По мнению Потебни, первичные слова напоминают междометия — они лишены каких-либо формальных определений. Разложение чувственных образов начинается с **образования слов**. Вначале выделяются существительные, затем прилагательные и глаголы. Все это связано и с эволюцией типов предложения, которое представляет собой основную грамматическую и структурно-семантическую единицу языка. Предложение — историческая категория, и его следует рассматривать относительно того или иного периода развития синтаксической структуры. История языка на значительном протяжении времени должна давать **ряд определений** предложения. Слова как члены предложения раскрываются лишь в предложении. Члены предложения и части речи — категории соотносительные. Вообще, вся концепция Потебни проникнута духом системности и историзма.

Рассматривая язык как постоянную деятельность, Потебня считает, что действительная жизнь слова происходит, совершается лишь в речи: «Слово в речи каждый раз соответствует одному акту мысли, а не нескольким, т.е. каждый раз, как произносится и понимается, имеет не более одного значения... Общее значение слов, как формальных, так и вещественных, есть только создание личной мысли и действительно существовать в языке не может». Под «вещественными» имеются в виду полнозначные слова, у которых следует различать **ближайшее** и **дальнейшее** значения. Ближайшее — это то, что понятно всем говорящим на данном языке, а дальнейшее понятно лишь специалистам. Это понятийное, или «энциклопедическое», значение.

Особое место в учении Потебни занимает понятие внутренней формы слова. «*Внутренняя форма слова* есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль... Всякое слово без исключения состоит из трех элементов: во-первых, членораздельный звук, без которого слово быть не

может; во-вторых, представление и, в-третьих, значение слова». Это «представление» есть способ наименования, или то, что мы называем теперь мотивировкой.

Потебня полагает, что грамматическую форму не следует понимать лишь узко морфологически, т.е. отождествлять ее с аффиксами, поскольку форма — это значение, а некоторые формы могут и не иметь никакого звукового обозначения. Грамматические формы и категории имеют свою семантику и связаны со всем строем языка. Они не совпадают с логическими категориями: во-первых, их гораздо больше, а во-вторых, они различаются от языка к языку. Грамматическая форма — понятие семантико-синтаксическое.

Говоря о соотношении логики и грамматики, Потебня отмечает: «логическая и грамматическая правильность совершенно различны, так как последняя возможна без первой, и наоборот, грамматически неправильное выражение, насколько оно понятно, может быть правильно в логическом отношении... Языкознание, в частности грамматика, ничуть не ближе к логике, чем какая-либо из прочих наук».

Тема: Младограмматики. Лейпцигская школа. Московская школа. Казанская школа. У.Д. Уитни

Эта новая школа появилась на рубеже 1870—1880-х гг. Странники ее обрушиваются с резкой критикой на своих предшественников. Один из представителей старшего поколения, германист **Фридрих Царнке**, иронически назвал этих критиков младограмматиками (*Junggrammatiker*). Однако **Карл Бругман** подхватил это название, и оно превратилось в наименование целого направления, новой школы лингвистов.

Период *младограмматизма* характеризуется «выходом» сравнительно-исторического языкознания за пределы Германии и Дании и распространением почти по всему миру: во Франции, Италии, Швейцарии, России, США. В Германии младограмматики в основном группировались вокруг Лейпцигского университета, образуя **Лейпцигскую школу**. К ней принадлежал прежде всего **Август Лескин** (1840—1916), автор работы *Склонение в славянско-литовских и германских языках* (1876 г.), и его ученики: **Карл Бругман** (1849—1919), **Герман Остгоф** (1847-1909), **Герман Пауль** (1846-1921), **Бертольд Дельбрюк** (1842-1922).

Их основные работы:

Предисловие Г. Остгофа и К. Бругмана к книге *Морфологические исследования в области индоевропейских языков* (1878 г.) — манифест младограмматизма.

Б. Дельбрюк *Введение в изучение индоевропейских языков* (1880г.).

Г. Пауль *Принципы истории языка* (1880 г.).

К. Бругман *К современному состоянию языкознания* (1885 г.).

К. Бругман, Б. Дельбрюк *Основы сравнительной грамматики индо-германских языков* (1890 г.).

Б. Дельбрюк *Основные вопросы истории языка* (1901 г.).

Итак, что же явилось *объектом критики* младограмматистов? Прежде всего они выступали против биологизма Шлейхера, его понимания языка как природного организма, который развивается в виде дерева, разделяясь на ветви. Однако, с другой стороны, они выступали против создания искусственных языков, поскольку последние не могут быть «живыми организмами». Они отвергали бопповскую теорию агглютинации, считая, что в процессе оформления слова важную роль играет изменение границ между морфемами (переразложение) и выравнивание форм по аналогии. Младограмматики неоднократно подвергали критике «теорию волн» Шмидта, считая, что между ветвями шлейхеровского родословного дерева не могут быть установлены какие-либо более тесные связи. Возражали они и против деления истории языка на два периода — «доисторический» и исторический, а также и против признания того, что в «доисторический» период происходил единый процесс развития всех языков от аморфных через агглютинирующие к флективным, а в исторический — распад языков. Нет никаких различий в за-

кономерностях языковых изменений между «доисторией» и историческими периодами развития языка. Пауль писал, что все языкознание является историческим и что любой неисторический трактат о языке является ненаучным. При этом они призывали «покинуть душную, полную туманных гипотез атмосферу мастерской, где куются индоевропейские праформы», и выйти «на свежий воздух осязаемой действительности и современности».

В этом призыве следует выделить два момента. *Во-первых*, отказ от каких бы то ни было широких философских обобщений, недоверие ко всякого рода гипотезам и внимание к реальным процессам языковых изменений, стремление к точному наблюдению при изучении реальных фактов, осторожность в выводах. По словам М.В. Сергиевского, «Языковеды углубляются в исследование тончайших деталей **отдельных** языков, часто теряя из поля своего зрения то **общее**, что есть во всяком особенном».

Во-вторых, изучать следует не письменные памятники, а живые языки и диалекты: «Во всех живых народных говорах свойственные диалекту звуковые формы проводятся через весь языковой материал и соблюдаются членами языкового коллектива в их речи куда более **последовательно**, чем это можно ожидать от изучения древних, доступных только через посредство письменности языков».

При этом отмечается, что языкознание до сих пор слишком много занималось языком и слишком мало человеком, как будто язык может существовать самостоятельно, отдельно от человека. Остгоф и Бругман утверждают: «Язык по-настоящему существует только в индивидууме, тем самым все изменения в жизни языка могут исходить только от говорящих индивидов». Отсюда — внимание к психологии, но не «народной», а индивидуальной. По мнению Пауля, всякие чисто психические образования проявляются в душе индивида, и «таким образом, остается лишь признать, что в действительности существует лишь индивидуальная психология и что никакая этнопсихология, или как бы ее еще ни называли, не может быть ей противопоставлена».

Народный язык — это фикция и реально существует лишь язык отдельного лица — «на свете столько же отдельных языков, сколько индивидов». Удобнее и лучше всего исследовать свою собственную индивидуальную речь как наиболее известную.

Как уже отмечалось, ортодоксальные младограмматики избегали широких теоретических обобщений, занимаясь детальнейшим и скрупулезнейшим исследованием изменений, происходящих с отдельными звуками. Это вполне естественно, поскольку наиболее простым и доступным объектом наблюдения является внешняя, материальная сторона языка — звук. В связи с этим в центре внимания младограмматиков находится изучение процессов и изменений, происходящих в звуках речи, что дало возможность выявить и установить основные закономерности звуковых изменений — **фонетические законы**. При этом следует различать фонетические, или звуковые, законы и звуковые соответствия. Первые действуют в рамках одного языка, вторые устанавливаются между разными языками.

Понятие фонетического закона стало одним из основных в учении младограмматиков.

В иерархии причин звуковых изменений первое, главное место занимает фонетический (звуковой) закон, который может пересекаться с другим законом, затем следует аналогия и, наконец, заимствование.

Герман Пауль несколько отходит от «классических» младограмматиков, не интересовавшихся вопросами теории, старается найти объяснение, причину языковых изменений. Прежде всего он обращает внимание на противоречие между тем, что существует множество индивидуальных языков, и тем, что люди, несмотря на это, прекрасно понимают друг друга.

Весь механизм языковых процессов объясняется взаимодействием языкового узуса и индивидуальной речевой деятельности.

Пауль различает индивидуальное, или окказиональное, и узуальное значения. Узуальное значение — общее: оно известно всем говорящим; окказиональное значение — индивидуально. В узусе слово многозначно, в индивидуальном употреблении — однозначно. Окказиональное значение богаче узуального, а также более конкретно, нежели узуальное. Основой всех семантических изменений является отклонение окказионального значения от узуального. В качестве типов таких отклонений Пауль называет сужение и расширение значения, метафорические и метонимические изменения.

Паулю принадлежит разработка основ теоретического синтаксиса на психологической основе, что положило конец многовековому господству логической грамматики. Грамматическое предложение двучленно: оно обязательно должно содержать подлежащее и сказуемое, которые представляют собой языковые выражения психологических категорий — психологического субъекта и психологического предиката. Первый представляет собой совокупность представлений, которая с самого начала имеется в сознании говорящего; второй — совокупность представлений, которая присоединяется к психологическому субъекту. При этом грамматические и психологические категории не обязательно совпадают. Психологический предикат в предложении обычно занимает позицию после психологического субъекта. При изменении порядка слов психологический предикат выделяется интонационно. Для иллюстрации Пауль приводит пример, ставший впоследствии хрестоматийным: *Карл едет завтра в Берлин*, которое можно произнести с «обычной», «нейтральной» интонацией, а можно и выделить тот или иной компонент предложения:

*Карл едет завтра в Берлин — Карл едет завтра
в Берлин — Карл едет завтра в Берлин —
Карл едет завтра в Берлин.*

Особую роль в изменениях значений слов, как и в языковых изменениях вообще, играет детская речь, точнее — процесс усвоения языка детьми: «Как в отношении фонетики и в отношении значений, придаваемых словам, так и в области новообразований по аналогии самые резкие отклонения от узуса наблюдаются в речи детей».

Говорит Пауль и об ассоциативных группах слов: «В нашей психике происходит взаимопротяжение отдельных слов, вследствие чего слова образуют в ней множество более или менее крупных групп. Это взаимное притяжение всегда основано на частичном совпадении звучания или значения отдельных слов, либо и звучания, и значения одновременно. Отдельные группы не существуют независимо друг от друга, на деле имеются более крупные группы, включающие в себя некоторое число более мелких групп, и все они взаимно перекрещиваются».

Отсюда уже, как говорится, рукой подать до понятия системности в языке: «Отдельное языковое явление можно исследовать только при постоянном учете всей совокупности языкового материала, только таким путем можно прийти к познанию причинной связи».

Концепцию Г. Пауля в целом можно охарактеризовать тем, что он, по словам Ж. Мунена, пытается разработать вторую после Шлейхера общелингвистическую теорию.

Московская лингвистическая школа формируется в 70—80-е гг. XIX в. при Московском университете. Основателем школы является Ф.Ф. Фортунатов. Его ученики и последователи — В.К. Поржезинский, Д.Н. Ушаков, М.М. Покровский, Б.М. Ляпунов, А.И. Томпсон, А.М. Пешковский, Г.Г. Ульянов, А.А. Шахматов и др. По своим общетеоретическим взглядам (психологическое понимание сущности языка и строгий учет фонетических законов) близки к Лейпцигской школе. Однако в отличие от представителей «классического» младограмматизма они проявляют интерес к общелингвистической проблематике; стремятся к формализации лингвистических процедур. Представители этой школы большое внимание уделяют изучению социального характера языка,

а также становлению литературного языка. Хотя основная роль по-прежнему отводится диахроническому изучению языка, Фортунатов считает необходимым исследовать индоевропейские языки не только в отношении к их общему первоисточнику, но и рассматривать их в период самостоятельного развития.

Филипп Федорович Фортунатов (1848—1914) — лингвист европейского масштаба, создатель теории грамматического формализма, специалист в области сравнительно-исторической грамматики и акцентологии индоевропейских, в особенности славянских и балтийских, языков. Окончил Московский университет, где основным его наставником был Ф.И. Буслаев. Побывал во Франции, Германии и Англии, где слушал лекции Лескина, Курциуса, Вебера, Эбеля, Бреалья и Бергеня, изучал литовские, санскритские и ведические рукописи. В Литве исследовал литовские диалекты. Первым в России начал преподавать литовский язык, имеющий большое значение при сравнительном изучении индоевропейских языков. Свои лингвистические воззрения выражал главным образом в лекциях: *Сравнительное языковедение* (1900 г.), *Сравнительная морфология* (1901 г.), *Сравнительная фонетика индоевропейских языков* (1902 г.) и др.

В области общего языкознания Фортунатова интересовали вопросы о связи языка и мышления, а также понятие грамматической формы.

По мнению Фортунатова, «не только язык зависит от мышления, но и мышление... зависит от языка». Язык представляет собою совокупность знаков для мысли и для выражения ее в речи.

Для появления языка требуется определенная степень развития способности произносить членораздельно звуки и духовной способности. Фортунатов связывает развитие языка с развитием того общества, которому он принадлежит. Дробление общества на части соответствует дроблению языка на отдельные наречия. Если исчезает связь между разъединившимися частями общества, образуются самостоятельные языки. Если же связи тесны, то происходит постепенное объединение наречий. Вопрос о связи языка и общества связан с учением Фортунатова о *внутренней и внешней истории языка*. Внутренняя история определяется отдельными индивидами, а внешняя — связью между языком и обществом.

По ряду лингвистических вопросов у Фортунатова были самостоятельные взгляды: вместо психологизма младограмматиков он пропагандирует *формализм*. Грамматику Фортунатов определяет как *учение о форме*. Учение о форме слова — морфология; учение о форме словосочетания — синтаксис.

Грамматическая форма рассматривается с морфологической точки зрения и понимается как членимость слова на основу и окончание. Формальные принадлежности (аффиксы) могут быть не только положительными, но и отрицательными (нулевыми). Слово может заключать в себе более одной формы. Могут быть слова, не имеющие формы.

У слов выделяются формы словообразования и словоизменения. В зависимости от наличия у слов форм словообразования и форм словоизменения выделяются грамматические классы слов.

Части речи рассматриваются Фортунатовым как разряды слов, сгруппированные по формальным признакам: падежные слова, родовые слова, личные слова, т.е. изменяющиеся по падежам, родам, числам.

В области синтаксиса Фортунатов занимает двоякую позицию. Во-первых, опирается на концепцию психологического синтаксиса Пауля и вслед за ним рассматривает предложение как психологическое суждение и говорит, что любая часть простого предложения может выражать психологическое сказуемое, если на нее падает логическое ударение. А во-вторых, учение о словосочетании строит, исходя из принципов формальной грамматики. Грамматическая форма словосочетания — это выражение формами языка отношения предмета мысли к другим предметам мысли. Словосочетание, имеющее грамматическое подлежащее и грамматическое сказуемое, является полным. Словосочетание, не включающее грамматическое подлежащее или сказуемое, является неполным. Неза-

конченные словосочетания — части законченных, представляющих собой грамматическое предложение.

Идеи Ф.Ф. Фортунатова в области синтаксиса получают дальнейшее развитие в трудах **Александра Матвеевича Пешковского** (1878—1933). А.М. Пешковский — ученик Фортунатова, но на формирование его взглядов большое влияние оказала также лингвистическая концепция Потебни. Основная работа: *Русский синтаксис в научном освещении* (1914 г.). Пешковский считает синтаксис основным разделом грамматики, в котором изучаются формы словосочетания. Задача синтаксиса — описание всех типов словосочетаний, установление происхождения типов словосочетаний и определение их основных функций. Словосочетание понимается им очень широко, поэтому предложение вторично по отношению к словосочетанию. Однако Пешковский полагает, что синтаксические значения нельзя рассматривать вне смысла и семантики. Пешковский определяет предложение на основе грамматических признаков, отражающих категории мысли. Главный грамматический признак — сказуемость (предикативность). «Сказуемость — это грамматическая категория, и притом важнейшая из категорий, так как в ней тесно сцепляются речь с мыслью». С изучением предложения связано и учение Пешковского об интонации. По его мнению, в контексте любое слово или словосочетание интонация способна превратить в предложение.

Его учение о частях речи строится с учетом не только формы, но и сочетаемости. Пешковский выделяет 4 основные части речи: существительное, прилагательное, глагол и наречие. Существительное является носителем предметности, глагол и прилагательное — признаковости. В глаголе признак — это деятельность предмета, в прилагательном — признак, заложенный в природе предмета. Наречие — признак признака. Причастие, деепричастие, герундий и подобные — смешанные категории. Не входят ни в основные, ни в смешанные категории местоимения, числительные, предлоги, союзы, междометия. Предлоги и союзы обнаруживают свое значение только в словосочетании. Числительные и местоимения не являются отдельными частями речи. Междометие тоже не является частью речи, так как выражает чувствования, а не представления.

Алексей Александрович Шахматов (1864—1920) — ученик Фортунатова. Занимался исследованием истории русского языка, диалектологией, состоянием современного русского литературного языка, лексикографией. Ему принадлежат работы по древнерусской литературе, фольклору, истории и этнографии. Его работы в области общего языкознания: *Синтаксис русского языка* (1914 г.), *Очерк современного русского литературного языка* (1913 г.).

В своей работе *Синтаксис русского языка* Шахматов отходит от формалистической концепции Фортунатова. В качестве основной единицы синтаксиса он выделяет простое предложение. Словосочетание является составной частью предложения. Поэтому учение о словосочетании и слове подчиняется учению о предложении. Предложение рассматривается как словесное выражение единицы мышления. «Язык в своих элементах зародился и развивался в составе предложения, ибо предложение является единственным способом обнаружения мысли в слове». За основу теории предложения Шахматов берет теорию коммуникации как особого акта мышления, который сообщает другим людям о состоявшемся в мышлении сочетании представлений. Простейшая коммуникация состоит из двух представлений, приведенных движением воли в предикативную связь. Среди представлений (членов коммуникации) выделяются главное и зависимое, которые оформляются в виде членов предложения. Несоответствие словесного высказывания сочетанию субъекта с предикативом восполняется за счет интонации. Шахматов четко разграничивает односоставное и двусоставное предложения.

Казанская лингвистическая школа. Основателем этой школы является Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ (1845—1929) — ученый с мировым именем, по словам Я.В. Лоя, «гордость польской и русской лингвистической мысли и один из оригинальнейших умов в мировой науке о языке, ученый большой творческой силы, мастер тонкого

лингвистического анализа, языковед-мыслитель и теоретик, который часто опережал западноевропейскую лингвистическую мысль (особенно теорией фонем), историк языка, историк языкознания, славист, полонист, индоевропеист, диалектолог, лексикограф, но особенно фонолог, основатель казанской, петербургской и польской школ языкознания». Учился в Праге, в Йене у Шлейхера, в Берлине у Вебера, в Петербурге у Срезневского. Работал в Казанском, Юрьевском, Краковском, Петербургском и Варшавском университетах. Член Краковской и Российской академий наук. Один из первых начал исследовать литовский язык и преподавать его в высшей школе. В мировую науку он ввел следующие понятия: *фонема*, *морфема*, *синтагма*, *лексема*, *графема*, *морфологизация* и др. Термин *фонема* был заимствован у Соссюра Крушевским, а затем его использовал и Бодуэн. Л.В. Щерба писал: «Он не был ничьим учеником, не принадлежал ни к какой школе, сам себя называл автодидактом... Всю свою жизнь по всем решительно вопросам он занимал — и вовсе не старался занимать — собственную, нетрафаретную позицию... Нельзя сказать, науке какого народа принадлежит его деятельность. Он работал среди русских, поляков, немцев, писал по-польски, по-русски, по-словенски, по-чешски, по-немецки, по-французски, по-итальянски, по-литовски». Большое внимание уделял точному и тонкому наблюдению и исследованию языковых фактов, но не ради их простой констатации, а для решения теоретических проблем.

По поводу психологизма Бодуэна Л.В. Щерба замечает: «Сам Бодуэн подчеркивал, что он прибегает к психологической терминологии за невозможностью при современном состоянии науки дать другую... Психологизм Бодуэна легко вынуть из его лингвистических теорий — все в них останется на месте. Заслуги Бодуэна не в психологизме, а в гениальном анализе языковых явлений и не менее гениальной прозорливости».

Для объяснения языковых явлений Бодуэн использовал метод аналогии, в связи с чем его можно считать одним из предшественников младограмматизма. Задолго до Жильерона он читал лекции по лингвистической географии славянских и балтийских языков. Критикуя Шлейхера, отмечал, что язык — не живой организм: его нельзя рассматривать отдельно и независимо от человека. «Классических» младограмматиков упрекал в том, что язык они рассматривают только в историческом аспекте, считая, что статическое и историческое рассмотрение языка — это две взаимосвязанные стороны исследования. Как и Гумбольдт, он полагал, что каждая языковая система есть одновременно и средство общения, и момент в историческом развитии языка, поскольку в ней всегда имеются, с одной стороны, относительно устойчивые явления, а с другой — отмирающие пережитки прошлого, а также зачатки будущей системы, «Статика языка есть только частный случай его динамики, или скорее кинематики». По поводу отношения Бодуэна к фонетическим законам Л.В. Щерба пишет, что он «указывал на множественность, а зачастую Противоречивость факторов каждого данного языкового изменения, а "звуковые законы" считал лишь результатом скрещенного действия этих факторов, отказывая им поэтому в праве называться "законами"».

Язык Бодуэн понимал как систему: «Все элементы языкового мышления, как фонетические, так и морфологические и семасиологические, укладываются сами собою в группы и разряды». При этом он различал язык как потенциальный комплекс категорий и языковой деятельности как непрерывного процесса, причем именно в деятельности и только в ней существует язык. Пришел он также и к пониманию социальной дифференциации языка.

Однако главное в учении Бодуэна — это его теория фонемы, к которой он пришел при изучении фонетических альтернатив, установив факт несовпадения физических и функциональных свойств звуков речи, «роль звуков в механизме языка, их значение для чужда народа, не всегда совпадающее с соответственными категориями звуков по их физическому свойству и обусловленное, с одной стороны, физиологической природой, а с другой — происхождением, историей звуков; это разбор звуков с **морфологической**, словообразовательной точки зрения». «Фонема — единое представление, принадлежащее

миру фонетики, которое возникает в душе посредством слияния впечатлений, полученных от произношения одного и того же звука — психический эквивалент звуков языка», или это звук, одинаковый в представлении, но различный внешне, акустически.

Николай Вячеславович Крушевский (1851 — 1929), ученик Бодуэна; специально приехал из Польши в Казань, чтобы учиться у него. Основные работы: *Очерки науки о языке* (1893 г.), *Очерки по языковедению* (1894 г.). По словам Бодуэна, «видел свою задачу и вообще задачу лингвистов высшего стиля только в обобщениях».

Считал, что «слово есть знак вещи», а «язык есть не что иное, как система знаков... Невзирая на все отклонения, язык является гармоническим целым». При этом языковую систему мы можем рассматривать как «в порядке сосуществования (статике), так и в порядке последовательности (динамике)».

Н.В. Крушевский выявляет основные закономерности языковой эволюции, которые заключаются в том, что язык изменяется благодаря сложности и неопределенности своих элементов; изменчивость обусловлена символическим характером слова; языковые элементы могут не только изменяться, но и исчезать. И в процессе переинтеграции материала постоянно происходит создание нового языка; развитие языка заключается в том, что он постоянно стремится к полному соответствию между миром слов и миром понятий; для понимания языковых явлений важны законы ассоциации.

Ф. де Соссюр отмечал, что Бодуэн де Куртенэ и Крушевский ближе других подошли к теоретическому осмыслению языка, не выходя за пределы лингвистики.

Василий Алексеевич Богородицкий (1857—1941), профессор Казанского университета, занимавшийся вопросами общего языкознания, сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков, общей и экспериментальной фонетики. Был одним из первых фонетистов-экспериментаторов не только в России, но и в Европе. Основал первую в России лабораторию экспериментальной фонетики при Казанском университете. Основные работы: *Очерки по языковедению и русскому языку* (1901 г.); *Общий курс русской грамматики* (1904 г.); *Лекции по общему языкознанию* (1907 г.); *Сравнительная грамматика аrio-европейских языков* (1914 г.); *Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных* (1930 г.) и др.

Богородицкий считал, что звуки речи нужно исследовать в системе «вместе с другими явлениями того же диалекта не только в современном состоянии, но и в историческом развитии», что изучать нужно живой разговорный язык и территориальные диалекты. Занимался вопросами языковых контактов и смешения языков, различая при этом столкновение родственных (русский и немецкий) и неродственных (русский и чувашский) языков, соприкосновение близкородственных (русский и польский, русский и чешский) языков и контакт наречий одного языка (переходные говоры от малоросского к великоросскому). Выдвигал идею «аналогического сравнения», т.е. сопоставительного изучения языков. Исследовал морфологические процессы в языке: переразложение, опрощение и т.п. Считал, что к проблеме частей речи следует подходить с нескольких точек зрения: морфологической, семантической, синтаксической и логической.

Уильям Дуайт Уитни (1827—1894), виднейший языковед США, санскритолог, специалист по языкам индейцев и общему языкознанию. Учился в США, затем в Берлине и Тюбингене. С 1854 г. — профессор сравнительного языкознания и санскрита в университете Нью-Хейвена. Уитни основал Американское лингвистическое общество, президентом которого он оставался до конца своей жизни. Его главные работы по общему языкознанию: *Язык и изучение языка* (1867 г.) — изложение основ сравнительно-исторического метода; *Жизнь и рост языка* (1875 г.). Ф. де Соссюр считает, что его работы послужили толчком к движению младограмматиков. А. Лескин, Б. Дельбрюк и К. Бругман считали себя учениками Уитни. Как отмечает Ж. Мунен, Уитни выступал против всех основных направлений своего времени. Так, выступая против биологизма Шлейхера, он показывает, что язык не существует вне человека и представляет со-

бой общественное явление. «Язык не имеет никакого иного существования, кроме как в умах и устах говорящих на нем людей» и не имеет ни жизни, ни роста, независимых от людей. При этом он указывал, что язык не является преднамеренным созданием ни отдельного человека, ни общества: «Мы не создаем ни нашего языка в целом, ни какой-либо отдельной его части».

Уитни четко разграничивает действие индивидуальных и социальных факторов в языке. Язык — это продукт общества, его средство и инструмент, он объединяет людей. Все, чем обладает человек в отличие от животных, возможно только благодаря языку. Языковые изменения, встречающиеся в речи отдельных индивидов, происходят не намеренно: «Человек производит изменения в языке, не осознавая этого... Каждый человек осознает свою неспособность повлиять на язык, произвольно или непроизвольно; и он знает, что то, чего не может сделать он, не может и никто другой». Однако язык не допускает каких-либо произвольных изменений со стороны говорящих.

Выступая против «психологии народов» Штейнтала, Уитни отмечает, подтверждая это всей своей деятельностью, что считаться нужно больше с фактами языка, а не психологии. Лингвистика должна исследовать внутреннюю жизнь языка, его происхождение, этапы его развития, выявлять законы его изменения. Важно понять сущность языка как человеческого вклада в природу, отношение языка к мысли, влияние языка на развитие мышления отдельных людей и на рост совокупного знания в обществе. Уитни подчеркивает необходимость выявления взаимоотношений развития языка с историческим развитием народа, его культуры, его социальной организации. Основу же лингвистики, ее предмет, составляет знак, звучащий и воспринимаемый, при помощи которого в определенном обществе передается определенная сумма значений.

Язык представляет собой совокупность произвольных и условных знаков, получающих свое значение только при коллективном использовании. Однако это не просто совокупность, это система знаков, где каждый знак соотносится с определенной идеей. Слова представляют собой знаки вещей. Связь между содержанием и выражением имеет ассоциативный, конвенциональный и произвольный характер, что приводит к возможности независимого изменения как той, так и другой стороны знака. Общие закономерности, или общие тенденции в языке, — это всегда закономерности человеческой деятельности, обусловленные привычкой и обстоятельствами. То, что подразумевается под «гением языка», есть в действительности сумма, или результирующая коллективных предпочтений говорящих, определяемая существующим уже материалом и речевым узусом.

Подход Уитни к знаковой теории языка и системным отношениям между единицами языка лег, по мнению ряда лингвистов, в основу лингвистической концепции Ф. де Соссюра.

Рассматривая проблему соотношения языка и мышления, Уитни показывает, что язык и мышление — не одно и то же. Мысль всегда предшествует ее выражению. Язык является орудием мыслительных операций. Каждый язык образует свою «внутреннюю форму», свою систему формирования мысли, которая образуется в каждом языке посредством присущих ему форм-значений. Внутренней формой индивид овладевает в процессе изучения родного языка. Она является продуктом внешнего воздействия для индивида, а не присуща ему изнутри.

Уитни подробно рассматривает процесс овладения языком в детском возрасте, который отражает систему становления мысли ребенка, причем все это происходит под воздействием окружающих. Детально описав этот процесс, он отмечает, что язык есть выражение зрелого и практического мышления и ребенок вступает в пользование языком, как только его природные способности и благоприятные обстоятельства позволяют ему это. Все группировки, классификации и характеристики в языке уже сделаны другими, и он лишь пожинает плоды их трудов.

Процесс овладения языком связан с выработкой одновременно и системы определенных ограничений, которых носитель языка не осознает. Первый язык, который человек изучил, является для него естественным способом не только говорить, но и думать, и он не представляет себе другого. В результате язык оказывает влияние на характер восприятия мира и мышления. Это влияние закрепляется еще и тем, что мы не создаем нового языка, а наследуем язык своих предшественников. При овладении вторым языком происходит адаптация человека к внутренней форме нового языка — индивид должен научиться мыслить в тех же понятиях, что и носители этого языка.

Важной характеристикой языка является то, что он постоянно и непрерывно меняется. Именно изменения определяют жизнь языка, являются ее показателем. Уитни одним из первых обратил внимание на явление аналогии как на важнейший фактор языковых изменений. Он указывал на системный характер языка и использовал понятие «структуры» для характеристики взаимосвязи и взаимозависимости его элементов.

Идеи Уитни оказали большое влияние на лингвистов того времени. В списке работ по общему языкознанию, рекомендуемом для чтения, Ф.Ф. Фортунатов в качестве первой работы указывает *Язык и изучение языка*. Бодуэн де Куртенэ отмечает, что влияние Уитни на языковедов обоих полушарий было не меньшим, чем влияние Штейнталя. Ф. де Соссюр, который цитирует очень немногих, неоднократно упоминает Уитни. Вообще влиянию идей Уитни на Соссюра посвящено большое число работ. Ж. Мунен считал, что Уитни в силу своего влияния хотя бы только на Соссюра и Блумфилда находится у истоков современной лингвистики — как европейской, так и американской. При этом возникает следующий парадокс: если, по мнению Соссюра, Уитни положил начало младограмматизму, то, с другой стороны, ряд идей, получивших развитие в работах самого Соссюра, знаменует конец младограмматизма.

Тема: А. Марти. Критика младограмматизма. Поиск новых путей. «Школа слов и вещей» Г. Шухарда. Эстетический идеализм К. Фосслера

По словам Ж. Мунена, в то время, когда историзм был доминирующим, только один голос поднялся в защиту описательной и синхронической лингвистики. Это был голос Марти. **Антон Марти** (1874—1914) возродил идею универсальной грамматики, по словам другого историка, в условиях «враждебного младограмматического окружения» — школы сравнительно-исторического языкознания. Он подчеркивал ценность «дескриптивного» подхода в лингвистических исследованиях, противопоставляя их «генетическим», и предпринял попытку создания всеобщей грамматики, основывающейся на заранее данных априорных схемах, выведенных логическим путем, предвосхищая этим идеи Л. Ельмслева. Такая грамматика, по мнению Марти, должна представить собой необходимое дополнение к учению о принципах истории языка.

Основная работа Марти — *Исследования к обоснованию всеобщей грамматики и философии языка* (1908). Под «философией языка» он понимал всеобщую семасиологию, все то, что может быть отнесено к всеобщим и нормативным явлениям. Он считал, что общие психологические основы функционирования языка обуславливают общность особенностей и элементов всех форм человеческой речи. Все языки характеризуются общностью содержания и общностью способов для его выражения. Он представлял универсальной языковой структуры как результат универсального человеческого опыта.

Важную роль Марти отводит психологии. Он согласен с Г. Паулем в том, что языкознание должно быть насквозь психологическим.

В языке Марти различал материю и форму. Под материей языка он понимал его содержательную сторону. В своей теории значения он учитывает отношение высказываемого как к говорящему, так и к слушающему. Он проводил четкое различие между тем, какой смысл имеет выражение само по себе, и способом структурирования этого смысла с помощью языковых средств, т.е. совокупностью связей между значением и выражением.

ем, которую он называл «внутренней формой» языка. Внешняя форма языка — это его звуковая сторона.

Марти различал **автосемантические** слова и выражения, представляющие полное выражение психических явлений, и **синсемантические**, которые сами по себе ничего не значат и приобретают смысл только в соединении с другими словами (выражениями).

В теоретической лингвистике Марти не имел прямых последователей, но он, несомненно, открыл путь для некоторых основных «современных» направлений. Считают, что немецкая традиция дескриптивной семантики во многом исходит из идей Марти.

Что касается младограмматизма, то задача, поставленная наиболее ортодоксальной частью направления, — исследование фонетических законов, была успешно выполнена. Был проведен анализ исторического изменения каждого отдельного звука. Тем не менее младограмматики, критиковавшие ранее своих предшественников, сами стали объектом резкой критики. Основное внимание обращалось не на то, что было сделано, а на то, чего не удалось сделать, по мнению тех, кто выступал с критикой. Правда, не все мнения представляются бесспорными и окончательными. Дело в том, что критикующие, вероятно, не всегда утруждают себя внимательным прочтением того, что они критикуют. Причем это касается не только младограмматизма. На наш взгляд, в этом отношении больше всего «повезло» Фердинанду де Соссюру: трудно назвать лингвиста, который бы не преминул как-то «подправить» Соссюра, хотя зачастую поправки и уточнения вносил сам автор, несколькими строками (или абзацами) далее. Но это обычно оставалось за пределами внимания, поскольку «мавр»-критик уже сделал свое дело. Блестящим примером тщательного и глубокого прочтения работы Пауля является статья М.К. Сабанеевой, в которой снимаются многие возражения в адрес младограмматиков.

В качестве основных недостатков младограмматиков отмечались: 1) Внимание только к звуковой стороне языка и «пренебрежение» содержательной стороной. 2) «Атомизм» (рассмотрение отдельных фактов без какой-либо попытки выявить их системные отношения). Правда, по мнению С.Д. Кацнельсона, «атомизм» до сих пор еще не преодолен в науке о языке. 3) Историзм языковых явлений вне связи с историей общества.

В связи с этим начинается поиск новых путей развития лингвистических исследований. Появляется ряд новых имен.

Прежде всего следует назвать школу «слов и вещей», одно из первых, по словам Т.А. Амировой, течений, стремившихся полностью порвать с традициями младограмматизма. Основателем этой школы был **Гуго Шухардт** (1842—1927), ученик Шлейхера и Дица, австрийский лингвист, один из виднейших языковедов своего времени, сочетавший интерес к теоретическим проблемам с изучением разнообразных конкретных языков — он был специалистом по общему и романскому языкознанию, баскскому, мадьярскому, древнееврейскому, кавказским, славянским и финно-угорским языкам.

С 1909 г. начал выходить журнал «Слова и вещи», издаваемый **Рудольфом Мерингером** (1859—1931). В журнале обсуждалась идея о расходящихся в разные стороны «волнах культуры», состоящих из «языковых волн» и «волн вещей», и ставилась задача изучения истории слов, основанная на истории обозначаемых словами вещей. Если в центре внимания младограмматиков были фонетика и морфология, т.е. форма, то критики младограмматизма в первую очередь обращают внимание на содержательную сторону языка, на семантику. Все это нашло отражение в системе взглядов Шухардта.

Прежде всего Шухардт выступает против того, чтобы наука сводилась лишь к описанию фактов без каких бы то ни было теоретических обобщений. «Всякое частное языкознание переходит в общее, должно быть составной частью его... При самом тщательном исследовании частных вопросов мы обязаны не терять из виду общее, так сказать, самое общее... К подлинной науке нельзя подходить с излюбленным "*ne supra crepidam*", что в действительности применимо лишь к сапожнику».

Шухардт выступает против отнесения языкознания к филологии, считая, что даже языки разных семей, «как бы далеко они ни отстояли друг от друга, в научном смысле связаны между собой гораздо теснее, чем язык и литература, даже тогда, когда они принадлежат одному и тому же народу».

Хотя в своих работах Шухардт имеет дело с разными аспектами языка — фонетикой, грамматикой, лексикой, особое место он отводит семантике, закономерностям развития семантического строя языка, считая, что исследование вещей и исследование слов должны производиться одновременно. Вещь, под которой понимаются и предмет, и действие, и состояние, первична по отношению к слову. «Вещь существует целиком и полностью для себя; слово существует лишь в зависимости от вещи, в противном случае это пустой звук.

Вещь по отношению к слову — это нечто первичное и устойчивое, тогда как слово тяготеет к вещи и движется вокруг нее». При этом «между вещью и словом неизменно находится представление».

Изучение истории слова должно предполагать и изучение «истории говорящего»: рассматривая историю дома, лошади, виноградника, иглы, горшка и т.д., нужно «говорить об истории строительного искусства, приручения лошади, культуры виноградарства, кузнечного и гончарного производства, а еще правильнее — об истории того, кто строит, приручает животных, сажает лозу, кует и изготавливает гончарные изделия».

При изучении истории вещи и слова следует обязательно принимать во внимание историю **обозначения** и **значения**. В каждый момент исторического развития обозначение соответствует слову, а значение — вещи. В процессе же развития вещь может изменяться при сохранении обозначения и, наоборот, слово может изменяться при неизменности вещи.

Особое внимание Шухардт обращает на необходимость изучения словаря разных социальных групп, поскольку «подобно тому, как нет двух людей, обладающих словарем совершенно одинакового объема, так и между разными общественными группами, проживающими в пределах одной и той же территории, различия в объеме словаря исключительно велики».

Рассмотрение соотношений между вещью и словом приводит к идее группировки слов не по этимологическому, а по тематическому признаку, к идее создания тематических словарей: «Словарь, составленный по принципу однородных вещей, гораздо более поучителен, чем составленный в алфавитном порядке; в последнем эта поучительность отсутствует».

Рассматривая язык как «продукт социальной жизни», Шухардт резко выступал против абсолютного характера звуковых законов, считая учение о непреложности их действия тормозом для дальнейшего развития науки. «Фонетические законы и социальный характер языка несовместимы друг с другом». Не следует объяснять развитие языка действием лишь чисто внешних, механических причин. В развитии языка участвует не только физиологическая сторона, но и психическая. В языке все взаимосвязано: «в целом нужно уметь обнаруживать в языке единство». Понятие фонетического закона — чисто вспомогательное понятие: «Я признаю право на существование и полезность "фонетических законов", но лишь в качестве формул, разъясняющих сближение или совпадение различных процессов, а отнюдь не определяющих их».

Основной причиной развития языка Шухардт считал **смешение языков**: «Среди всех тех проблем, которыми занимается в настоящее время языкознание, нет, пожалуй, ни одной столь важной, как проблема языкового смешения». «Не существует ни одного языка, свободного от скрещений и чужих элементов». Именно смешение языков ведет к их изменению. При этом причины данного процесса всегда имеют социальный, а не физиологический характер. Понятие смешения языков привлекало внимание к явлению языковых контактов, к исследованиям в области билингвизма, диалектологии, лингвистической географии.

Развивая «теорию волн» Шмидта, Шухардт предлагает идею «лингвистической непрерывности», приводящую к отрицанию наличия строгих границ между говорами, диалектами и языками. «Локальные говоры, диалекты и языки — абсолютно условные понятия», «географические собирательные обозначения». Таким образом, вместо генеалогической классификации предлагается теория географической непрерывности, «географического выравнивания», т.е. непрерывных переходов одного языка в другой. Вследствие этого возникает идея родства **всех языков мира**: «Я признаю, что все языки мира родственны, однако они родственны не в силу своей родословной, но лишь потому, что это родство образовалось при ближайшем, весьма широком участии смешения и уподобления». В связи с этим Шухардт призывает к сравнительному изучению неродственных языков, т.е. к типологическим исследованиям.

Как отмечает Т.А. Амирова, «в истории языкознания Шухардт занимает особое место как критик старого и глашатай нового. В его трудах, написанных в конце XIX — начале XX в., как в зеркале, отразилось состояние современной ему науки о языке. Работы Шухардта свидетельствуют о зарождении нового подхода к языку, выработке новых методик его описания».

Если Шухардт рассматривал содержательный аспект языка «с внешней стороны», со стороны предметов («вещей»), то на «внутренней стороне», на духе, строит свою концепцию **Карл Фосслер** (1872—1949), профессор романской филологии Мюнхенского университета, т.е. не только лингвист, но и литературовед. Взгляды Фосслера сформировались под большим влиянием идей итальянского философа **Бенедетто Кроче** (1866—1952).

Кроче, в строгом смысле, не был специалистом ни в области лингвистики, ни в области философии языка. Сильное влияние на большое число лингвистов оказала его *Философия духа* (1902—1917 гг.), которая получила значительный резонанс в ряде европейских стран. По словам Э. Сепира, «из современных видных авторов по вопросам духовной культуры Кроче, один из весьма немногих, постиг основное значение языка. Он указал на тесную связь языка с проблемой искусства».

Взгляды Кроче на язык, восходящие к идеям Гумбольдта и Гегеля, изложены в книге *Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика* (1920 г.). Кроче противопоставляет два вида человеческого познания — интуитивное и логическое. Первое дает познание индивидуальных вещей, второе — познание всеобщего, отношений между вещами; первое оперирует образами, второе — понятиями; первое находит свое выражение в искусстве, второе — в науке. Все человеческое знание «находится в движении между двумя полюсами, полюсом чистой интуиции, которым является поэзия или искусство, и полюсом чистого понятия, которым является философия». Важной частью философии является эстетика, изучающая **выражение**, т.е. каждое проявление интуиции, создание образа. Каждое проявление языка есть творческий акт, что сближает язык с искусством. Поскольку язык состоит из неповторимых выражений, языкознание должно исследовать их. Таким образом, «все научные проблемы лингвистики одни и те же у нее с эстетикой», и лингвистика, и эстетика составляют одну и ту же научную дисциплину.

Язык представляет реальность только как произведение искусства, поэтому любое абстрагирование, любая классификация оказываются внешними по отношению к языку. Лингвистика должна основываться не на логическом, а на интуитивном познании, следовательно, от понятий предложения и грамматической категории, как основанных на логических принципах, нужно отказаться.

Идеи Кроче о языке и лингвистике получили развитие в следующих работах Карла Фосслера: 1904 г. — *Позитивизм и идеализм в языкознании*, 1905 г. — *Избранные статьи по философии языка*, 1925 г. — *Дух и культура в языке*.

Как отмечает В.А. Звегинцев, уже в первой работе сам Фосслер всячески подчеркивает идеалистическую сущность своей концепции. Однако следует заметить, что «идеализм» в понимании Фосслера — это не только источник отрицательных коннотаций, свя-

занных в отечественной философии с этим понятием, но и синоним того, что принято называть «диалектикой». «Под позитивизмом и идеализмом я понимаю не две различные философские системы или группы систем, а первоначально только два основных направления в наших методах познания».

В этом плане концепцию младограмматиков он характеризует как позитивистскую, противопоставляя ей свою — идеалистическую.

Младограмматики рассматривали язык как нечто данное и завершённое и механически расчленили его на элементы. «Живая речь разлагается на предложения, члены предложения, слова, слоги и звуки... Чрезвычайно распространённым и почти неиско- ренимым предрассудком является убеждение, что предложение представляет **естественную** единицу речи, член предложения — **естественную** часть предложения, а слово или слог — дальнейшее естественное подразделение». «Рассматривать язык с точки зрения установлений и правил — значит рассматривать его ненаучно. Следовательно, синтаксис вовсе не наука — в такой же степени, как и морфология и фонетика. Вся эта совокупность грамматических дисциплин — безграничное кладбище, устроенное неутомимыми позитивистами, где совместно или поодиночке в гробницах роскошно покоятся всякого рода мертвые куски языка, а гробницы снабжены надписями и перенумерованы».

Фосслер считал, что язык представляет собой единое и взаимосвязанное целое и именно таким он представлен в стилистике, которая и должна быть основной лингвистической дисциплиной. «Все явления, относящиеся к дисциплинам низшего разряда — фонетике, морфологии, словообразованию и синтаксису, будучи зафиксированы и описаны, должны находить свое конечное, единственное и истинное толкование в высшей дисциплине — стилистике». Именно стилистика включает в себя всю лингвистику. «Стилистика была и остается альфой и бетой филологии».

В связи с этим вполне естественно, что основной функцией языка Фосслер считает экспрессивную функцию, функцию выражения. По его мнению, новая система языкознания должна обеспечить чисто эстетическое и эстетико-историческое рассмотрение языка, поскольку история развития языка аналогична истории развития искусства. Грамматика как таковая не имеет права на самостоятельное существование. Подразделение языка на фонетику, морфологию и синтаксис есть результат придуманного грамматистами механического членения. «Так называемые грамматики должны полностью раствориться в эстетическом рассмотрении языка».

Исходя из примата стилистики, анализ языка должен начинаться с синтаксиса, а затем спускаться к морфологии и фонетике. «Дух, живущий в речи, конструирует предложение, члены предложения, слова и звуки — все вместе. Но он не только их конструирует, он **производит** их».

Язык не должен быть подвергнут логическому рассмотрению. В основе всех языковых категорий лежит интуиция, внутренняя деятельность, которая и является сущностью языка.

Единственной реальностью и основным объектом изучения лингвиста должна быть речь индивида, которая представляет собой духовное творчество личности, служащее средством выражения ее интуиции и фантазии. «По своей сущности любое языковое выражение является индивидуальным духовным творчеством. Для выражения внутренней интуиции всегда существует только одна-единственная форма. Сколько индивидуумов, столько и стилей».

Основу языкового развития составляет творческий акт индивида, индивидуальное языковое творчество, в результате которого появляется языковое выражение. Последнее получает распространение лишь в том случае, если другие индивиды примут его — пассивно или творчески. Однако далеко не каждый индивид может быть творцом языка. Точно так же, как шедевры искусства создаются отдельными одаренными людьми, языковые

ценности творят избранные личности — поэты, творцы, наделенные интуитивной силой. Эти языковые ценности и становятся затем общим достоянием народа.

Общая языковая деятельность оказывается возможной лишь благодаря общей духовной предрасположенности говорящих. «Если люди в состоянии посредством языка общаться друг с другом, то происходит это не в результате общности языковых установлений, или языкового материала, или строя языка, а благодаря общности **языковой одаренности**. Языковой общности диалектов и т.п. в действительности вообще не существует». Эти понятия возникли в результате произвольной классификации.

Распространение языковых инноваций зависит от того, насколько они соответствуют духу языка. Последний, по мнению Фосслера, проявляется в ударении, в акценте. Именно акцент играет главную роль во всех фонетических изменениях. «Акцент — это связующее звено между стилистикой, или эстетикой, и фонетикой; исходя из него следует объяснять все фонетические изменения».

Как уже отмечалось, Фосслер в понимании языка опирается на Гумбольдта. Однако Гумбольдт представляет язык диалектически, как систему антиномий, что его последователи часто упускают из вида. Это касается и Фосслера, который из антиномии «деятельность — продукт деятельности» все внимание уделяет лишь первому члену противопоставления, полностью игнорируя второй.